

**АЛЕКСАНДР
МАЗИН**
представляет
проект «Битва Бестемпера ЮЭИ»

**ПРОКОПОВИЧ
АЛЕКСАНДР**

ДЕТЕКТИВ С ЛЫСОЙ ГОРЫ

СОЗДАТЕЛИ МИРОВ

Александр Александрович Прокопович

Детектив с Лысой Горы

Серия «Детектив с
Лысой Горы», книга 1

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154845

Аннотация

Алекс Каховский предпочел бы раскрывать преступления, не выходя из своего кабинета. Но детективов и волков, как всем известно, кормят ноги. А в мире ведьм и чудовищ ему вдобавок приходится то и дело пускать в ход меч и арбалет.

И все же детектив Алекс считает, что жизнь прекрасна. Во-первых, вокруг столько симпатичных женщин, во-вторых, он все еще жив. Что при его профессии и характере можно считать признаком большой удачливости.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Глава седьмая	33
Глава восьмая	39
Глава девятая	45
Глава десятая	54
Глава одиннадцатая	61
Глава двенадцатая	67
Глава тринадцатая	75
Глава четырнадцатая	80
Часть вторая	85
Глава первая	85
Глава вторая	88
Глава третья	92
Глава четвертая	96
Глава пятая	104
Глава шестая	110
Глава седьмая	120

Глава восьмая	126
Глава девятая	130
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Александр Прокопович

Детектив с Лысой Горы

Часть первая

Чужие с той стороны

Что можно ждать от города, половина улиц которого носит название «спуск»? Крутой спуск, Андреевский спуск, Лысогорский, Подольский, Смородинский – опять-таки спуски.

Почудилось что-то знакомое? А ведь именно на Смородинском спуске поджидал незадачливых путников Змей-Горыныч. Лысогорский спуск – потому что вьется вниз с Лысой горы, той самой! Добавьте к Лысой горе Батыеву и Замокскую, Щековицу и Владимирскую – не гору, а всего лишь горку... Город я описываю или горный кряж?

Вероятно, в этих высотах есть что-то настолько притягательное, что не дает променять их ни на какие равнины. Лишь названия улиц, среди которых десятки спусков и ни одного подъема, откроют страшную тайну: местные жители предпочитают всегда идти вниз и никогда – вверх. Кстати, если улица в этом городе называется улицей – это ничего не значит. Любой предмет начавший свое путешествие в её на-

чале – а значит на вершине очередной горы – непременно завершит его в её конце: остановиться невозможно.

Что можно сказать о городе, жители разных районов которого относятся друг к другу с подозрительностью, которая была бы более уместна в отношениях между народами? И вправду, как надменный обитатель Печерска может доверять жителю Подола? И что с ними может быть общего у уроженца старого центра, чье детство прошло на улицах, отмечающих места, где раньше проходили валы и стояли ворота?

Город, весь обращенный к реке, К ней, в конце концов, и стремится каждая его улица, отталкиваясь от воды, растет в небо колокольня Лавры, тянутся звездные маковки Покровского собора, упирается крестом Владимир.

Стольный град Киев – одна тысяча шестисотый год с момента основания.

Глава первая

Если детектив не ищет клиента...

«Не нужно искать клиентов, Вашим клиентом является каждый, кто хоть раз в жизни назвал вас по имени»

Из учебника по сетевому маркетингу

Стол, конечно, старый и выглядит неважно. Зато табличку на дверях я сделал красивую. Многие даже думают, что она металлическая, это в наше-то время! Правда, клиентура пока табличку явно не замечает. Наверное, надо протереть. Жизнь на первом этаже замечательна близостью к улице... Уп-с, а протирать-то и нечего! Видно, кто-то еще по имени Алекс открыл детективное агентство – и ему срочно понадобилась табличка. По счастью, моя ему подошла...

Сотни потенциальных клиентов шли по Прорезной, и ни один из них не будет моим. Интересно, каким был мой несостоявшийся клиент – Молоденькой Блондинкой или Зрелой Брюнеткой? Прямо сейчас я был согласен на лысого старика. Кстати о брюнетках. Как говорится – помяни черта.... Эта женщина была последней, кому я хотел попасться на глаза. Удивительно, как влияют на восприятие деньги. Если бы я не был должен Алисе квартплату за целых три месяца, самое малое, что я сказал бы о ней: *«Вот это женщина!...»* Но...

Но эстетика отступила перед экономикой. *О, ужас*, Алиса меня заметила!

– Алекс! – Алиса неумолимо приближалась, бежать было поздно. – Алекс, я думала, вы повесились у себя в конуре. Это вы или ваш призрак?

– Алиса, я еще жив...

Это ведь мои ноздри шевелятся от, выпускаемых Алисой феромонов?

– Если и живы, то только потому, что у вас нет денег не только на квартплату, но даже на веревку с мылом. – Ее точеные ножки в туфельках на обязательных шпильках сделали еще несколько шагов ко мне. Ну-ну. Знающие люди рассказывают, что Алиса увлекается черной магией. Не знаю, не знаю. Уж для чего ей точно не требуется ни крупицы магии, так это для приворота. Штабеля из мужских тел не украшают наш подъезд исключительно из-за стервозного характера Алисы. Впрочем, Прорезная не самая чистая улица Киева, быть может, дело в этом.

Тем временем ручка Алисы вцепилась в мой локоть, и единственное, что мне оставалось, – последовать за хозяйкой дома. К моему удивлению, Алиса тащила меня отнюдь не в свой кабинет, который для многих ее квартиросъемщиков превращался в офис, совмещенный с пыточной. В качестве орудий пытки выступали изящные ноготки хозяйки, не перестающие барабанить по столу, и счеты, с чьей помощью она подводила баланс. Да, и еще табуретка. Собственно, у Али-

сы в офисе было три сидячих места – ее собственное кресло, кресло для гостей и табуретка для должников. Наверное, занозы на ней размещались пыточных дел мастером: так, чтобы, проникая сквозь штаны из любой ткани, доставлять сидящему максимум мучений. В силу своих финансовых прегрешений я ни разу не был удостоен чести быть приглашенным в кресло. Я садился в него сам, так что свои садистские наклонности Алиса была вынуждена скрывать до следующего должника. Впрочем, сейчас она тащила меня на третий этаж: наверное, решила помочь мне прыгнуть с балкона, раз уж я не смог повеситься.

Дом был семиэтажный, но на верхних четырех этажах, где не было ни воды, ни целых окон, царило запустение. Лишь изредка там находили приют малолетние головорезы. А вот третий этаж, как и везде в городе, считался элитным. На этой высоте все еще были доступны такие блага цивилизации, как водопровод, при этом здесь уже не ощущался запах сточных вод, непредсказуемое течение которых неумоимо прокладывало себе дорогу к небольшой речушке, в которую превратился в наше время Крещатик. На третьем этаже можно позволить себе роскошь открыть окно. Открытое окно на первом означало объявление конкурса на самую быструю кражу. Словом, если я когда-нибудь разбогатею – буду жить на третьем этаже.

– Алекс, вы знаете, а ведь у меня есть желающие занять ваши апартаменты. Причем не просто занять, а еще и запла-

тить за них. Разницу понимаешь?

Мы шли по коридору, а у одной из квартир высилась фигура Ганса. Почему хлопца с рязанской рожей все его друзья и знакомые, включая родителей, кличут Гансом, объясняется просто. Его любимые аксессуары к стильному костюму, состоящему из камуфляжного комбеа и чудовищных ярко-желтых ботинок – шмайссер и классическая немецкая каска. У каждого свои причуды. Одна моя знакомая не расставалась с гребешком, сделанным из челюсти щуки-мутанта. Если честно, расчесывать ей было особенно нечего.

– Алекс, сколько вы мне должны?

– За три месяца.

– За целых три месяца! Но я вам дам еще один шанс. Я женщина добрая. Вы мне поможете, и я еще на целый месяц сделаю вид, что в вашей квартире никто не живет. Я вызвала у вас интерес, Алекс?

Интерес Алиса вызвала. Хотя шансов на то, что за месяц я заработаю сумму, достаточную, чтобы вернуть долг, фактически не было, Но... Надежда умирает последней. Одного я не мог понять, чем я способен помочь Алисе. Я, конечно, как мужчина еще очень даже ничего, но что-то мне помешало вообразить, будто ей требуется помощь подобного рода.

– Алиса, вы меня заинтриговали. Рассказывайте!

Тем временем мы подошли к Гансу, и он немного отступил, открывая проход к дверям квартиры номер семнадцать. Алиса демонстративно подергала за ручку, давая понять, что

дверь заперта, После чего жестом фокусника вытащила из воздуха двухкилограммовую связку ключей. Где она ее прятала – в своем-то обтягивающем платье? Из связки был безошибочно выделен ключ, торжественно отделен от связки и вручен мне. Я, конечно, тугодум, но не настолько. Взяв ключ, я с ходу сообразил, что меня просят открыть двери. Ключ (судя по этому ключу, на третьем этаже хороши и квартиры, и замки в дверях этих квартир) мягко вошел в скважину. Так же мягко он прокручивался в обе стороны. На этом мягкость кончилась. Дверь упорно не замечала, что она открыта. Вероятно, это была дверь с характером. И откуда-то я знал, что вся эта ситуация – ключ вертится, а дверь не открывается – никого не удивила. С видом оскорбленного достоинства я повернулся к Алисе:

– Я, кстати, не слесарь!

– Знаю. Замок-то я без тебя поменяю. Ганс – давай!

Ганс – дал. Без разбега, просто качнувшись своим телом, множением с таким расчетом, чтобы траектория движения плеча упиралась в дверь. Дверь не выдержала и открылась. Я думаю, в бурной трудовой биографии Ганса эта дверь не была ни первой, ни даже сотой.

Как только путь был проложен, мы дружно сделали шаг навстречу неизвестности, которая ожидала нас в семнадцатой квартире.

Глава вторая

Квартира № 17

*Все что хорошо – подозрительно, потому что
сделано для того, чтобы скрыть что-то плохое.
Из «Учебника школы прапорщиков»*

– Стоп! – Ганс тормознул с инерцией трактора, ноги уже стояли, а туловище все еще продолжало движение. Алиса, остановившись на пороге, поманила меня к себе:

– Ты у нас детектив, так займись своим делом, осмотрись, а мы тут подождем...

Польщенный доверием, и в то же время ругая себя за то, что не сообразил сразу взять дело в свои руки, я осторожно вошел в семнадцатую. Пусть детективом я числюсь всего несколько месяцев, но опыта мне не занимать – служба в гвардии плюс «карьера» в банде Киселя что-нибудь да значат. У Сергея Киселева, в шестнадцатилетнем возрасте трансформировавшегося в Киселя, работать мне доводилось в основном головой. Собственно, это и заставило Киселя меня аккуратно уволить. Пацаны понемногу начали прислушиваться ко мне больше, чем к боссу. Опять-таки, хорошо отделался – Кисель мог бы и голову открутить. Вместо этого он благородно выпроводил меня и даже выплатил премию, всё обставив так, будто я решил заняться частным сыском.

Квартирку эту я тоже с его подачи получил. То ли Кисель – Алисина крыша, то ли они друзья детства... Скорее, друзья: что она ему не платит – это факт.

Неудивительно, что мы не могли открыть дверь. Квартиранты, вероятно, считали, что цифра «три» гораздо лучше единицы: именно три замка украшали эту дверь. Теперь – только украшали. Два из них вообще открывались только изнутри. Если отвлечься от двери, уныло повисшей на петлях, квартира поражала своей чистотой и опрятностью. Последний раз что-то подобное я видел в больничке у доктора Лейзеровича. Если подумать, кого он лечит, то ничего удивительного: я был там в качестве одного из дюжины охранников, сопровождавших пациента...

Такая чистота – это, конечно, и само по себе подозрительно, но... Что-то еще в этой квартире было не то. В целом она не так уж сильно отличалась от моей. Кухня побольше, потолки повыше, обои подороже... Запах! Точно: запах, запах свежей краски и деревянной стружки.

– Алиса, ты что делала тут ремонт?

– Я каждую весну делаю ремонт!

– Нет, ты не поняла. Я не о побелке потолка и не о новых замках на старых дверях. Серьезный ремонт ты тут делала?

– Где же я деньги возьму на серьезный ремонт?

Черт, и верно, трудно даже представить, сколько в наши дни стоит настоящий ремонт и кому он по карману. Я внимательно присмотрелся к обстановке. Будь я проклят, но то,

что я видел, просто не могло быть правдой. Чтобы удостовериться, я вышел на кухню и занялся исследованием сантехники. Ну-ну. Всё так и блеснит. А что если... Чем черт не шутит – я крутанул вентиль горячей воды. Нет, наверное, все-таки надо ограничивать свою фантазию... Как и положено, из-под крана шла холодная вода, Стоп... Так, вода потеплела, еще потеплела, еще... Э! Так можно и руку обварить.

Горячая вода. Из-под крана. Без магии, без огня... Судя по всему, нагревала воду махонькая коробочка, через которую и проходила труба. Интересно, как она работает? Я-то думал, что такие штуки бывают только на электричестве. То есть как раз на том, чего у нас нет.

Может, у кого-то в городе и есть такое удовольствие. Я знаю, что у Киселя, который держит весь правый берег города, такого нет точно. И на Лысой горе такого нет тоже. Хотя, кто может сказать, что у них там есть, а чего нет? Все чудесатее и чудесатее. Так, пороюсь в шкафах. Одежка висит, какая-то плащ-палатка безразмерного типа, у меня, кстати, была такая, осталась от деда. Только эта совершенно нереального размера, вероятно именно палатка была основной функцией этого плаща, причем человек на десять. Так идем дальше – чемоданчики стоят. Удобные, с колесиками.

Открываем – пустые. Что тут у нас еще на вешалочке? Вещички. Вот вещички меня и добили. Шмотки были фабричные. Я таких лет сто уже не видел. Собственно, дальше можно было не смотреть.

– Алиса, выкладывай, – я жестом пригласил Алису и Ганса в комнату. Ганс не пошел, Ганс мужик ушлый, знает: чем дальше от начальства, тем ближе к спокойной жизни. – Алиса, я больше шага не сделаю, пока ты мне не расскажешь, что тут случилось!

– Ты нашел что-нибудь?

– Я много чего нашел, но если ты не хочешь, чтобы я о своих находках побежал докладывать в канцелярию гвардии, тебе придется мне все-таки что-нибудь объяснить...

Вряд ли на Алису подействовала моя угроза. Каждый, кто ведет более или менее успешную жизнь в нашем городе, рано или поздно договаривается с каждой из значимых сил. А их не так много. Гвардия, организованные бандиты и обитатели Лысой горы. Впрочем, с последними договариваться бесполезно, от них надо просто держаться подальше, а если уж попадешься на их пути – молиться. Говорят, молящиеся вызывают у них безудержный смех. А когда они смеются, то убивают всего лишь через раз. Все ж таки пятьдесят шансов из ста за выживание лучше нуля.

Алиса весьма успешна. Значит, с гвардией у нее всё в порядке. Таковую не напугаешь.

Она и не пугалась.

Глава третья

Желтый конвертик

*Первое, что нужно сделать с конвертом, это проверить, не содержит ли он денег.
Из «Учебника почтовой службы»*

– Так, даю вводную... – Иногда у Алисы проскальзывает этаким лексикончик не то преподавателя математики со стажем, не то штабного аналитика. К счастью, впечатление о человеке складывается в первую очередь благодаря работе глаз и только во вторую – ушей.

– Комнату сняли двое чудиков, заплатили за год вперед. Ты меня услышал?

Я услышал. В Киеве, впрочем, что там Киев – во всем Славянском Аду, заплатить за год вперед мог только умалишенный, причем богатый умалишенный. Согласитесь, такая человеческая порода встречается крайне редко. А чтобы целых два, да еще на нашей улице... С другой стороны – зачем Алисе врать?

– А на следующий день пропали. Сначала я думала – уехали – вернутся. Только никто не видел, ни как они выходили, да и в городе их не замечали. Но это всё мелочи. А вчера я получила посланьице, вот, смотри сам, – Алиса уже протягивала мне лимонно-желтый конверт. Интересно, конверт-то

она откуда вытянула. И не помялся даже. Может, у нее сумка-невидимка? Знаем мы, кто такие конверты шлет. Бумажный клапан я отгибал осторожнейшим образом. Кто их знает, стерв с горы, может, он только на Алису настроен. Конверт вел себя вполне невинно. Записка на плотном картоне цвета слоновой кости сама легла в руки. Текст явно писала рука каллиграфа. Глянешь на такой почерк – и стыдно брать перо в руки. Впрочем, форма совершенно не спасала содержание. А содержание было следующим:

Чужим с Той стороны, поселившимся в квартире номер семнадцать десятого дома по Прорезной улице, в сопровождении хозяйки доходного дома Алисы Сергеевны Копачевской явиться в субботу на место сбора. Время будет сообщено позднее.

Даже не знаю, что меня больше поразило в этой записке. То, что у Алисы есть отчество? Нет. Ерунда все это. Главные слова стояли первыми: «Чужим с Той стороны». Значит, жильцы Алисы были чужими, что я и так уже начал подозревать. Точнее – не подозревать – фантазировать на эту тему. Вопрос только в том, как они к нам просочились. Еще секунду назад я считал эту затею даже теоретически невозможной. Кстати, сегодня вторник, и если жильцы не объявятся, то Алисе... Стоп, не так. Алисе Сергеевне, о как! Алисе Сергеевне придется явиться на шабаш одной, не исполнив волю

наших великих и ужасных. Меня на месте Алисы уже и в городе не было бы. Сибирь большая – там не найдут. Правда, по Сибири на каблучках не походишь... Вот в таких случаях и вспоминают про детектива Алекса.

Глава четвертая

Славянский Ад

*Есть многое на свете друг Горацио, что сильно
осложнило бы здоровый сон всем нашим мудрецам
(Не из Шекспира и даже не из «Гамлета»)*

Мы живем в аду. Есть, правда, несколько сект, которые утверждают, что так было всегда – с момента сотворения мира. Собственно, Шерлок Холмс тоже считал, что кривизна земной поверхности не имеет ровно никакого отношения к его профессии. Славянский Ад был создан усилием всего одного поколения. Когда запасы нефти разных эмиратов, норвегий и венесуэл буквально в течение одного месяца оказались проглочены, Россия оказалась на перепутье – то ли заказывать в каждую квартиру по золотому унитазу, то ли устроить массовое харакири перед лицом обезумевшего мира. История – дама ироничная, но в этот раз она превзошла себя – действие развивалось в жанре буйффонады.

Понятное дело, воевать с нами на суше желающих не нашлось – ни одного достаточно сумасшедшего генерала на всей Земле. Пытались сравнить Украину с Россией. Как-то не сравнились – даже самый западный украинец, приближаясь к границе России с калашом на плече, примерно в ста метрах от пограничного столба совершенно терял воин-

ственный дух. Впрочем, до мочилова все-таки дошло. Кто бы сомневался, что американцы таки нанесут свой высоко-точный гуманный удар. Зря, что ли, оттачивали боевое мастерство на арабах и южных славянах? Получилось, что зря. То ли в их военном ведомстве бардак похлеще нашего, то ли мы так продвинулись в ассиметричных ответах... Только вместо тихого уничтоженных военных целей – что-то в глубинах тайги и херсонских степей поднатужилось и бахнуло. Больше всего не повезло Польше, которая превратилась в прекрасную пашню. Сотни километров вывернутой почвы скрыли Варшаву и Краков. Выжили только туристы и командировочные. Только вот возвращаться им было уже некуда. В течение нескольких месяцев непрекращающихся дождей вся Республика Людова оболотилась и отрясинилась. Ловить там было больше нечего. Сам собой закрылся афганский вопрос. Вулканическая активность стала большой неожиданностью, как для талибов так и для их противников. Лет этак через тысячу ветер нанесет на гранит достаточно грязи, чтобы там могли появиться первые ростки. Менее везучие страны отделались неприятностями меньшего размаха. Говорят, американцев больше всего потрясло то, что все несчастья которые свалились на их головы, они уже видели в собственноручно изготовленных фильмах.

На территории же бывшего Советского Союза было веселее, потому как разнообразнее. Вслед за электромагнитным ударом какой-то пентагоновской пиротехники, которая вы-

вела из строя всё, кроме паровозов, лошадей и ручной тяги, хотели того американцы или нет, бахнула половина действующих атомных станций. Чернобыль вспоминался теперь как детская шалость. От радиационного заражения переносимого обрушившимися на страну бесконечными дождями и ураганами, люди мерли как мухи. Но выжил. А, выжив, стал другим. Первые годы после Большого Баха (не Иоганна) мутации множились, пытаясь пожрать друг друга и окружающих. Я сильно сомневаюсь, что остался хоть один неповрежденный генокод. Однако равновесие установилось довольно быстро. А если не выходить за пределы городской черты – вообще мало что изменилось. Правда, черта эта заметно похудела. В трехмиллионном Киеве обитало ныне тысяча триста народа. И в целом пропорция «девять к одному» довольно точно отражала потери в живой силе по всей стране... А вот крыс стало больше. Спуск в метро, еще несколько лет назад считавшийся своеобразным экстремальным видом спорта, нынче превратился в особо извращенную форму самоубийства. Не так давно ведьмы наглухо замуровали входы на все центральные станции.

Как итог – полностью рухнувшая экономика, исчезнувшие в неизвестном направлении правительства, отсутствие какой-либо связи – и на этом фоне мор, чудища-мутанты и толпы мародеров. Последним штрихом стала Большая Стена. Многое, из того, что делается у нас в стране, хочется написать с большой буквы, но, пожалуй, единственная вещь

которую с маленькой просто и не представить – это Большая Стена. Не знаю, в каком воспаленном мозгу родился этот проект, но факт остается фактом, пресловутый железный занавес, успешно разрушенный до основания, был возрожден в виде гигантского силового барьера вдоль бывшей границы великого и неделимого. Вероятно, больше всех смеялись прибалты. Они теперь тоже с нами. Как эта самая Стена работает – не знает никто. Она непроницаема ни для чего, сколько будет стоять, непонятно и на какой батарееке работает тоже неизвестно. В хрониках написано, что Стена опоздала на пять секунд. Появись она вовремя, однажды утром мы бы просто проснулись отрезанными от мира, чем все наши беды и были бы исчерпаны. В целом же ирония судьбы состояла в том, что нефть не досталась никому. Нам она особо и ни к чему, ввиду отсутствия того, что на ней работает, а остальному миру ее не достать. Разве что Стена рухнет.

Теперь о том, что делается в остальном мире, можно узнать только от обитателей Лысой горы. Уж не знаю зачем, но их телепаты слушают – и рассказывают. Собственно, все мною рассказанное происходит из того же источника. Информации не много, жизнь более или менее наладилась, нефть заменили углем, свое слово сказали и новые технологии. А больше всего они боятся того, о чем у нас многие мечтают – падения Стены. Мне тоже было бы страшно, они ж не приученные к нашей жизни.

Вроде бы ничего особенного – зверюшки и растения – му-

танты, ведьмы с колдунами, да сотня пород некогда единого вида Homo Sapiens. Раньше пытались как-то систематизировать. Потом бросили. Каждый год что-нибудь новенькое появляется. Названий, что из всяких сказок брали, уже не хватает. В принципе, большинство наших братьев безобидны... Да и сказать, что кто-то из нас полностью нормален тоже никто не рискнет. У каждого своя беда. В городе остались жить те, кто больше склонен к цивилизованной жизни, так что тут относительная тишь да гладь. А что делается в трех километрах от Крещатика, мне лично даже думать не хочется. Вот Алиса так даже умудрилась в Москву съездить. Рассказывает, что пристроилась в ежегодный караван под охраной гвардии. Призналась бы, что на ступе слетала – я бы поверил.

В общем, всё, что Стеной окружено кличут Славянский Ад, ну а тех, кто за Стеной мы кличем чужими с Той стороны. И появление этих самых чужих здесь не более вероятно чем эскадрилья огнедышащих драконов. И если они нашли путь сюда, это значит... Ох, это много чего значит. Хотя про сибирских драконов я что-то такое слышал...

Глава пятая

Справедливая цена

Сколько бы и кому бы вы ни платили – вы всегда заплатите либо меньше, чем нужно, либо больше, чем необходимо.

Из «Учебника по бухгалтерскому учету»

– Алиса, я правильно понимаю, что ты хочешь, чтобы я нашел эту парочку?

Железная леди на ходу проигрывала битву ржавчине. Нет, если я увижу слезы на этих алебастровых щечках, мне придется поверить, что Алиса – живая женщина из плоти и крови.

– Рассказывай, подробненько, все что знаешь... Кажется, Алиса снова затвердела:

– Я их видела один раз. Такие смешные: маленькие, толстенькие. Я их сначала за мумиков приняла (Есть такая порода мутантов, правда, в городе редко обретаются, не нравится им тут), потом вижу – люди. Радостные... Такими молодожены бывают, пока медовый месяц не кончился.

– Ну, что еще?

– Всё.

С детства люблю ничего не сообщающие ответы. Правда, приводят к ним обычно идиотские вопросы.

– Что значит «всё»?

– Всё... Привела сюда, отдала ключ – и больше их не видела.

Действительно, а чего на них смотреть, если они уже деньги заплатили. Я бы вот заплатил – так Алиса, наверное, уже и не вспомнила бы, как меня зовут.

– Понятненько... Почему сама в номер не заходила?

– Алекс, я же не дурочка – ломиться в одиночку после такого письма!

Ну да, зачем самой ломиться, если можно найти Алекса и послать его вперед тралить минное поле.

– Алиса, а я похож на дурочку?

– На дурочку – нет, не похож, у тебя щетина и руки волосатые...

И язычок у нее острый, нескучно будет ее мужу, ох нескучно.

– У меня не только руки волосатые, и вообще я не половые признаки имел в виду. Я похож на идиота, который будет рисковать своей шкурой ради месячной отсрочки квартплаты? К тому же зная, что хозяйку через пять дней будет и не сыскать.

– Чего ты хочешь?

Если я скажу, чего я хочу, то либо наша беседа моментально оборвется, а я окажусь в состоянии поиска квартиры, либо мы беседу эту продолжим – в другом месте. Где есть большая упругая кровать.

Ладно – совру.

– Денег хочу. Много. Сколько стоит здоровье и благополучие Алисы Сергеевны Копачевской?

– Алекс, когда ты успел стать рвачом?

Странный вопрос, а когда я им не был?

– Алиса, когда ты решила сэкономить на собственных похоронах?

Вообще, жадность это одна из степеней глупости. Я, конечно, крутой мужчина, но, как и каждый нормальный представитель сильного пола, вряд ли смог бы отказать барышне, пришедшей с просьбой о помощи. Был бы Алиса умнее, я бы без всякой платы рыл носом землю, дабы сохранить это холеное тело в неприкосновенности... Или наоборот – надеясь к нему прикоснуться. Но если уж меня решили купить, то цена должна быть адекватной. (Ничего, что я такое сложное слово употребил?)

– Тысяча. Тысяча золотом.

Судя по выражению ее лица, мне следовало просить пожертвовать ее своей белоснежной коленкой. Эта плата далась бы ей легче. Однако я был неумолим:

– Аванс сейчас!

– Сотня?

– Сто шестьдесят!

– Заметано

– Шестьдесят пойдут в зачет долга

– Я поняла, – с кислой улыбкой ответила Алиса.

Путь на первый этаж показался раза в три короче, чем с первого на третий. Ганса мы оставили сторожить квартирку. Кисель обещал прислать на смену кого-нибудь из проверенных бойцов. В офисе я получил обещанные деньги, миновав очередную попытку подвергнуть меня пыткой с помощью табуретки. Самым сложным было улизнуть от Алисы, которая, видно, полагала, что, взяв аванс, я тут же, прямо на глазах у изумленной публики, извлеку чужих – с помощью некоего хитросплетения рук и ног, блестящего черного цилиндра и белоснежных перчаток. Нет. Не извлек – наверное, только потому, что нет у меня ни цилиндра, ни перчаток.

Прошел час с момента обнаружения пропажи таблички. У меня нет долгов. У меня есть деньги. У меня есть первый заказ в качестве частного детектива, кстати, от зрелой брюнетки, и... И большое желание кинуться в бега. Даже не знаю, что удержало меня от того, чтобы «сделать ноги» – то ли желание подержать в руках восемьсот сорок золотых, то ли врожденная порядочность. Боюсь, все же первое.

Глава шестая

В гостях у человека-добермана

*Заклячая договор с властью, помните, что договор подписывает не власть, а человек.
Из «Энциклопедии взяточника»*

Курить я не люблю. Но, чтобы не впасть в прострацию, когда мозг окаменевает и вместо мыслей выдает лишь сигнал «Рота, отбой!», беру трубку и методично прохожу ритуал раскуривания. Здесь важно не пропустить ни одного этапа. Сначала я разбираю трубку на части и каждую часть тщательно чищу. Обычно в этом месте мне в голову приходит умная мысль, и прибор для курения, вновь собранный, прячется на свое законное место в ящике стола. В этот раз я дошел до рекордной стадии – табак был погружен в чашечку трубки. Оставалось только взять с полки спички – а умные мысли в голову так и не приходили.

Может, я и придумал бы, как найти чужих, но сам факт их появления загонял мои мозги в состояние глубокого сна. Стена – непреодолимое препятствие, и это такая же непреложная истина, как и то, что воздухом дышат, а вода мокрая и жидкая. Однако они здесь. Значит, то ли в Стене дырка, то ли дырка у меня в мозгах, то ли вода не такая уж и мокрая. О горе мне, горе! С другой стороны, если брешь в Стене и

есть, она должна быть небольшой и незаметной, иначе... Не знаю, как насчет наплыва сюда... Знаю, что было бы довольно сильное движение отсюда.

Думай, Алекс, думай!

Думать, однако, было лень, и я решил пересчитать деньги. Сто золотых рублей – сумма не бог весть какая, но даже в самые удачные времена у Киселя столько денег сразу я в руках не держал. Тем более – в гвардии. После Большого Баха бумажные деньги прекратили свое хождение. Слово «рубель» снова обрело свое исконное значение. Нынешние деньги изготавливали из золотой и серебряной проволоки путем рубления на куски. Кучка, возвышавшаяся передо мной, радовала взгляд и грела душу, на несколько секунд я даже забыл, что эти деньги мне еще придется отрабатывать. Если бы сейчас кто-нибудь вошел, он решил бы, что я помешался на почве богатства. Разложив рубли по всей поверхности стола, я пытался найти отличия между ними. Попутно я поочередно прикусил каждый, чтобы убедиться, что это золото. Впервые я видел такое количество золотых рублей без характерных следов человеческих зубов...

К деньгам не присматриваешься – их знаешь на ощупь. И это не случайно, сама технология их изготовления подразумевает что грани, которые образуются в результате рубки, весьма своеобразны. Но только не у тех рублей, что дала мне Алиса. Их явно не рубили. Эти кусочки золота то ли выплавлены, то ли тщательно отшлифованы. Но удивитель-

но даже не это. Они абсолютно одинаковые. И ребенок знает, что не бывает двух одинаковых рублей. Даже абсолютно новенькие рубли немного отличаются, а уж двух одинаково затертых рублей не может существовать в принципе.

У меня же их – сотня.

А ведь я, пожалуй, знаю, где их взяла Алиса.

* * *

Майор Яковлев был страшным человеком. Всегда. Нормальная реакция на окружающих у него была лишь в те моменты, когда окружающие были врагами и были обнаружены, но еще не уничтожены. К несчастью для всех остальных и счастью для Короны Яковлев уничтожал своих противников очень быстро. Я уверен, что у власти и вовсе не было бы врагов, если бы им (врагам) просто вовремя рассказывали о существовании жуткого майора. Полковник – верховный главнокомандующий нашей гвардии – обожал таких людей. Вероятно, в детстве он увлекался разведением доберманов и теперь надеялся вывести новую породу людей, которые с таким же усердием реагировали бы на команду «фас». Я думаю, Яковлев мог бы дать фору любому доберману. К несчастью, в то же время майор был единственным чином в верхушке гвардии, которого я знал лично.

– Фальшивые деньги, Алекс... – он захохотал. Его рука уверенно сгребла со стола десять золотых рублей. Когда рука

вынырнула из-под стола она была уже свободна от тяжести благородного металла. – Фальшивые деньги подлежат конфискации, а распространители фальшивок подлежат повешению, ты в курсе Алекс?

Я был в курсе. И два гвардейца нарисовавшиеся за моей спиной тоже были в курсе.

Строго говоря назвать эти рубли фальшивыми было не за что. Какая в конце концов разница как именно золото приобрела форму рубля? Главное, чтобы оно оставалось самим собой.

– Ладно, не трусь, детектив хренов, будь проще. Чего ты хочешь, и что мы за это получим?

Гвардейцы, уловив смену настроения, моментально улетучились. Я глубоко вздохнул и порадовался возможности так легко и свободно дышать.

– Мне нужно найти жуликов, которые расплатились с Алисой этим золотишком.

– Ну, а мне что с этого? – Вот он момент истины: шаг влево, шаг вправо – и гвардейцы, а вместе с ними и близкая перспектива виселицы вернутся, стоит только майору приподнять правую бровь.

– Если с вашей помощью я поймаю жуликов, то, согласно закону все фальшивые рубли вы должны конфисковать, ведь так? Что вы и сделаете. А так как хоть рубли и фальшивые, но при этом все же золотые, то вы вполне можете их употребить на пользу гвардии!

Ну да, как же, на пользу гвардии — я же видел, как за его зрачками пришел в действие механизм шевеления извилинами: извилины тяжело, но верно рисовали список покупок, в котором тут же проставлялись галочки, и подбивалась нужная сумма.

— Значит, так, — молвил Яковлев, судя по нахмуренным бровям, враг был избран. — Денежку твою фальшивую оставлю у себя... как образец (кто бы сомневался), а за информацией завтра зайдешь. Может, моя ребятня и найдет чего.

Если уж его ребятня не найдет чего, тогда остается на Лысую гору за советом бежать. Только мне уже не шестнадцать, чтобы верить в добрых волшебников. Что ж, дело двинулось. А Стена как стояла, так и стоит, и чужим в наших краях делать по-прежнему нечего.

А умные мысли у меня так и не появились...

Глава седьмая

Золотые маршруты

Если бы собаки были способны чують запах прибыли, профессия кинолога была бы куда более престижной

Из справочника «1000 профессий»

Кто-то очень сильно ошибся. Будить меня подобным образом не рекомендуется даже любимой женщине, если я когда-нибудь докачусь до того, чтобы не только вместе ложиться, но и вместе вставать. У меня реакция неправильная. Майор Яковлев, тогда он еще был лейтенантом, вообще называл меня психом. Если он и был прав, то это касалось утренних часов. Процесс моего пробуждения должен происходить с той же деликатностью и мягкостью, что и транспортировка нитроглицерина. Мало кто знает, что такое нитроглицерин и как с ним надо обращаться. Мало кто выжил. Гвардеец об этом не знал. Алиса, которая его пустила в дом и любезно провела к моей квартире – тоже. Правда, эмоции у них были прямо противоположные. Алиса с видимым удовольствием наблюдала за изменением цвета моего лица, пока я соображал, что кроме семейных трусов, которые в силу своего возраста обрели известную степень прозрачности, на мне больше ничего нет. Эмоции гвардейца легко читались и были

стандартны. Стандартные эмоции человека, которого только что стукнули черепом об пол. Чего-чего, а этого у меня не отнять – рукопашный бой всегда был моим любимым развлечением.

Алису мне удалось выдворить за дверь секунд за десять, правда, ее хихиканье я слышал значительно дольше. На умывание и одевание я потратил еще минуту. А вот с солдатиком пришлось повозиться дольше. Придя в себя, он все время пытался от меня спрятаться. Это в моей-то спальне в десять квадратных метров. После парочки тумачков и стакана воды гвардеец наконец заговорил. Парню досталось только за то, что майору Яковлеву захотелось со мной повидаться.

От моего дома до комендатуры два квартала. Комендатура располагается, вероятно, в старейшем здании города – в знаменитых Золотых Воротах. Яковлев сидит на самой верхотуре. Идти предстояло в гору, перепрыгивая провалы с одного островка асфальта на другой. Прорезная улица идет в гору достаточно круто для того, чтобы ни одна здравомыслящая лошадь не рискнула на нее завернуть. Потому-то покрытие на ней ни разу не чинилось: ремонт дорог у нас производится исключительно по случаю возросшего травматизма лошадей или поломок карет важных господ.

Рядом раздалось стократно усиленное кошачье урчание. Еще одна семейка урчалок появилась в городе. Урчалки в основном распространены в истоках Припяти, а в последнее время появилась мода селить их под домами. Они насекомых

жрут в огромных количествах. Нажравшись, урчат как стая довольных котов – зато о комарах и мухах можно забыть. Гигантский язык, который они, видимо, унаследовали у своих предков лягушек, молниеносно выдергивает из воздуха все, что жужжит. На Припяти, кстати, водятся насекомые размером с кошку, но урчалки каким-то образом справляются и с ними. Сами урчалки тоже не маленькие, ростом с человека. А голова большая и круглая, говорят у них мозг больше человеческого раза в три. Им они, наверное, и урчат. Кстати, в городе я ни разу не слышал их знаменитого урчания: еды мало. Может, эта случайно крысу сожрала. Бедные крысы, еще одна напасть на них...

Адское пламя в глазах моего бывшего командира сегодня сменил ласковый огонек лесного пожара. Спозаранку гвардия перетрясла карманы торгашей на Сенном рынке. Фальшивых, по определению майора, но волне золотых рублей нашлось много, и почти все они осели в карманах у гвардии. Яковлев не поленился даже нарисовать маршруты распределения этого микроклондайка. Картинка получилась прелюбопытная. Яковлев, несмотря на свою патологическую жадность и жестокость – профессионал высшей пробы. К тому же (судя по качеству и оперативности проведения операции) майор решил, что фальшивые рубли угрожают безопасности города.

Исходя из схемы, золото к нам попало со стороны Лавры, причем совершенно точно его принесли не монахи, до

сих пор живущие в её катакомбах. Всё, что они могли бы принести в город, – это пара-тройка высохших мумий, которые, как говорят, до сих пор хранятся в заброшенных монашеских кельях Печерской Лавры. Создавалось впечатление, что сначала прошелся кто-то один, а вслед за ним – другой. Причем первый от второго то ли убегал, то ли просто плутал по городу. Его маршрут заканчивался у Алисы. Второй маршрут был длиннее и, дойдя до Алисы, сворачивал на Рейтерскую. (Рейтеры – тяжеловооруженные всадники, когда-то целый полк этих суровых мужей был расквартирован на этой улице. Как гласят предания, развлекались они избивая стрельцов. Кстати, соседняя улица – Стрелецкая, жаль, от полков остались одни названия.)

– Ну, что скажешь, умник?

Кажется, Яковлев впервые положительно отозвался о моем интеллекте. Что тут скажешь...

– Скажи «спасибо» гвардии за помощь! – Яковлев расплылся в улыбке и поманил за собой. С узенького балкончика, на который мы вышли, была видна и Лавра, и развалины на левом берегу Днепра, и Прорезная до самого Крещатика.

– Мы сможем вычислить источник?

– Гвардия может всё! – Яковлев закурил и окутал дымом балкон. – Нам, Алекс, надо подождать одного человека, а потом мы совершим экскурсию. Но сначала ты должен мне рассказать всё, что ты знаешь об этой истории, а не тот бред, которым ты меня накормил. Чтобы Алиса переживала из-за

неправильных рублей... Они золотые? Золотые! Так чего из-за них переживать? Алиса могла переживать только по причине их нехватки, в остальное – не верю.

Рассказывать о квартирантах Алисы мне не хотелось, ничего путного, а главное, безопасного в голову не лезло, но в этот раз мне повезло. Позади нас раздалось тактичное покашливание. Робко покашливал призрак. Не хочу вас пугать, но призраки существуют и к тому же обычно кому-то служат. Доктор Лейзерович объясняет факт существования этой породы существ крайними случаями шизофрении. По его словам, при весьма специфических условиях расщепление личности человека может доходить до физического отделения ее части. Эту фразу я заучил наизусть, чтобы привораживать женщин и отпугивать мужчин. Иногда, мне даже кажется, что я понимаю, что он имел в виду. Призраки мало заметны, проворны, и практически безвредны, поскольку слабосильны. Зато лучшего шпиона не найти. Вот гвардия и не ищет. Необходимое условие их существования – повышенный уровень радиации. Ну, с этим у нас все хорошо. Достаточно внимательно взглянуться в прохожих на улицах, чтобы убедиться, что радиация крепко держит нас в своих объятьях.

Говорить призраки не могут, поэтому докладывать майору ему приходилось мельтеша руками и строя зверские рожи. Яковлев всосал информацию, после чего перегнулся через перила и крикнул. В метре от удара молнии гром тише голоса майора. Призрака, кажется, снесло с балкона, по

крайней мере, больше ему деться было некуда. Не успели отгреметь раскаты яковлевского баса, как в кабинете уже стоял, вытянувшись по струнке, сержант Алехин. Если быть справедливым, то слово «струнка» не совсем подходит для описания Алехина. Скорее уж речь должна идти о канате, а то и о трех канатах, связанных вместе. Как-то мне довелось видеть, как он подтягивается. Шансы наблюдать усталость металла, из которого сделан турник, значительно выше, шансов увидеть усталость Олега Алехина. Олег возглавляет Костяное отделение. Когда-то я мог с полным правом сказать – мое отделение. Так вот, Костяные всякими глупостями по вышибанию золотишка из карманов доверчивых граждан не занимаются.

В нашем городе-государстве с помощью коронного суда решаются вещи действительно серьезные – кто кому на ногу наступил, семейные ссоры... А когда речь идет о человеческой жизни – гвардия решает сама. Обычно этим решением является Костяное отделение Алехина.

Глава восьмая

Гвардия – вперед!

*В схватке нет места для благородства.
Из «Методик Института Благородных Девиц»*

Источник потенциального богатства майора Яковлева находился в одном из домов на Рейтерской. Улице бандитской, где гвардию очень не любили. Вообще, любили гвардию исключительно жены и любовницы, причем последние меньше чем первые, так как дожидаться от гвардейца денег или подарка нереально. В лучшем случае гвардеец может поделиться пайком. С учетом частоты выдачи этих пайков, в ожидании этого события могла пройти вся молодость, а вместе с ней и красота. А кто же с уродиной делиться будет?

Моя комбинация с привлечением властей – дала результат. Финансовый. Яковлев деньги получил. Горожане потеряли. Однако сейчас у нас есть шанс все-таки взять одного из тех, кто с такой щедростью тратил золотые. В случае всеобщего успеха, у меня появится возможность долго и доходчиво отвечать на целый ряд вопросов в подвалах Печерского дворца. С другой стороны, оттеснить гвардию, почуявшую запах денег, не представлялось возможным. Оставалось надеяться на удачу, которая изменила мне в тот момент, когда я решил стать частным детективом.

Ну, и вопрос проницаемости Стены меня не мог не беспокоить. Что-то я упустил. Чем больше я напрягался, чтобы исправить этот пробел, тем дальше он прятал свой хвостик, за который я так хотел ухватиться.

Дом был обложен по всем правилам осады. Наметанным глазом я различил шлемы арбалетчиков на крышах соседних домах. По дворам вокруг дома затаилось не меньше взвода гвардейцев. Разбитые по отделениям, они перекрывали каждый отход от дома. Так что наша задача была простой – не подставиться и взять языка, а если и не взять, так спугнуть – все равно нашей птичке дорого одна: в сети майора.

Дом оказался средней величины – в четыре этажа, по десятку квартир на каждом. Почему-то я не удивился, когда мы оказались на третьем этаже. Наша потенциальная жертва жила в четвертой квартире от входа на этаж, но Алехин сначала по-тихому прощупал остальные. Сделать это было легко: занятой оказалась только одна из них – юноша и девушка, которые занимали квартиру были при этом весьма поглощены друг другом, и так и не узнают, что их анатомические характеристики получили вполне лестную оценку от восьми умудренных опытом мужчин.

Не рассчитывая на ключ, отданный хозяином дома, Алехин вошел в искомую квартиру, позволив себе не заметить дверей. А дальше случилось то, о чем я втайне мечтал очень давно. Алехин встретил достойного противника. Наша потенциальная добыча тоже не рассчитывала на крепость две-

ри и, кажется, даже ждала, когда же она распахнется. В итоге вместо ласкающих слух криков в духе: «Ой, кто это!? Ой, за что это?! Только не по лицу!» Алехин, идущий первым, услышал шум кулака рассекающего воздух. Нет, восточными единоборствами с криками безумных попугаев и неудачными балетными па здесь, похоже, не пахло. Просто этот человек был быстр и силен, а вдобавок на редкость уродлив. Можно прожить всю жизнь и так и не увидеть такого шнобеля. Судя по размеру этого органа для вдыхания и выдыхания, можно было предположить, что его счастливый владелец вот-вот выхватит шпагу и начнет в промежутках между выпадами декламировать баллады. К тому моменту, как я с остальными мужиками подросел на помощь командиру, скорость шнобелеобладателя увеличилась вдвое. Однако против мачете появившегося в руках Алехина у него шансов не было. И он поступил весьма разумно – решил отступить на заранее подготовленные позиции. Единственный путь к побегу давало окно, и я уже приготовился услышать звон разбитого стекла и мягкий шлепок тушки о мостовую. Когда же он развернулся и, вытащив из-за пояса здоровую штукину с раструбом, заорал на нас: «Назад уроды!», я, честно, сказать подумал только о том, не его ли это призрак служит у Яковлева – уж больно он напоминал шизика из городского дурдома. О том, что парень не отсюда и относиться к нему надо осторожно, я вспомнил позже. Точнее – поздно.

Гвардейцы медленно продвигались к маньяку, надеясь на,

что тот все-таки не будет прыгать из окна. В следующий момент раздалось громкое жужжание, как будто стая мух только что пролетела над ухом, и шесть гвардейцев легли там, где только что стояли.

Я остался в вертикальном положении – и с глупейшим выражением лица. Мимо меня проскочил носатый, следом – пришедший в себя Алехин. Олег единственный из нас при виде штуковины с раструбом догадался грохнуться на пол, чтобы теперь составить компанию беглецу. То, что только что произошло, не укладывалось в привычную картину мира. Если бы фокус с жужжащей трубкой продемонстрировал какой-нибудь колдун – это было бы нормально. Только колдуном носатый не был. Иначе мы бы просто не вошли в его квартиру, да и шансов подраться с ним не было бы никаких.

Выйдя из ступора, я ощупал ребят – дышат, уже хорошо. Видно, что-то усыпляющее-парализующее. В принципе, винить носатого трудно, не знаю, что бы я делал, ввались ко мне в квартиру восемь здоровых мужиков. Спрятался бы под кроватью?

Рядом прошуршал призрак. Значит, за пацанами скоро пришлют... Осмотрев в последний раз квартиру, я выскочил вслед за Алехиным. Знание схемы проходных дворов – большое преимущество в преследовании всяких носатых субъектов незнакомых с городом. Погоня стремительно выкатилась с Рейтерской, значит, жужжащая штуковина снова пускалась в действие, просто так мимо гвардейцев не пройдешь. Пре-

следователи и преследуемый проследовали мимо комендатуры, вызвав приступ веселья у караула, и нырнули на родную Прорезную. (Может сменить место жительства?) Арбалетчики пока молчали, видимо Яковлев надеялся взять носатого живым. Да и убивать его, было, в общем-то, не за что.

Носатый снова взялся за старое: поднял трубку на уровень глаз и нацелил ее в сторону приближающегося Алехина и отставших на несколько шагов гвардейцев из резерва. Снова раздалось жужжание стаи мух, и на этот раз Алехину не удалось уклониться от встречи с действием нетутошного прибора, что вряд ли должно было добавить оптимизма носатому. С одной стороны его уже фактически достали отставшие от Алехина гвардейцы, а с другой – взявшие его на прицел арбалетчики явно теряли терпение. Да и я уже тоже был недалеко, а шанса своего я обычно не упускаю.

Мы все были рядом. Поэтому предельно четко видели то, чего бы предпочли не видеть никогда. Один из нас и не увидит. Потому что ему пришлось это еще и почувствовать. Бледно-красная лента вылетела из подвала дома, рядом с которым находился носатый. Она обернулась несколько раз вокруг него, подняла в воздух и со свистом втянулась в подвал. Я знал, что это было. Еще через минуту, об этом узнали и окружающие, когда улицу залило этакое безобидное урчание. Надо же, а урчалки-то, оказывается, промышляют не только насекомыми. Я вспомнил, сколько раз проходил мимо этих казавшихся безобидными тварей. Остается только

гадать, почему я не был схвачен и сожран. Может они местных не трогают?

Обидно: ведь я уже вышел фактически за спину чужака и мог через секунду подлейшим образом ударить его по затылку. Думаю, если бы он знал, что его это ждет, он бы тоже предпочел получить головную боль.

Гвардейцы тем временем вытягивали из подвала двух здоровенных ежей. Так выглядели урчалки после залпа арбалетчиков. Освободить чужака не было смысла – урчалки ко всему еще и ядовиты

Глава девятая

Легенда о Мокаше

*Мне кажется, по поводу действия, которое
равно противодействию, Ньютон что-то напутал
Из предсмертной записки невинно осужденного на
смертную казнь*

По городу прокатилась кампания по уничтожению урчалок. В квартире носатого обыскали каждый сантиметр и не нашли ничего, кроме газеты и денег. С учетом того, что на деньги я не претендовал, газету мне разрешили забрать. У нас газет не выпускают. До того факта, что это именно газета, я дошел своим умом, спасибо маме с папой – старинных книжек в родительском доме достаточно для создания иллюзии обладания эрудицией. Да-да, я даже знаю слово «эрудиция». А вот прочесть эту газету я бы не смог при всем желании. Нынче легче найти переводчика с языка птиц, чем знатока английского. Почему английского – не знаю. Я решил, что газета была английская – точно не китайская, у тех буковки другие. Наверное, у кого-то сохранились словари, хотя вряд ли. В первую зиму после Большого Баха жгли всё, что горело. То, что у нас в семье сохранились книги, объясняется маниакальной любовью деда к томикам в мягком и твердом переплете, а главное – умением их прятать.

Сейчас книги на вес золота. У нас в городе вообще какая-то необузданная страсть к чтению и книгам. Трудно объяснить чем это вызвано, быть может это тоже своеобразная мутация?

Ценнее текста была картинка довольно неважного качества, на которой были изображены двое. Мужчина и женщина, явно за сорок, улыбались с газетного листка прямо мне в лицо. Они держали в руках кусок ткани, которая мне что-то очень сильно напоминала, а большие буквы заголовка гласили «IMPOSSIBLE». Алиса признала в парочке на картинке своих квартирантов. Кто знает, быть может, о них тоже позаботились урчалки. А завтра об Алисе позаботятся на Лысой горе.

Мой первый же заказ закончился полным провалом. Мало того, как ни крути, но и смерть одного из чужаков на моей совести. Смерть ужасная и абсолютно бессмысленная. Чужих видело полгорода, но – только один день. Провырнувшись по продуктовым лавкам и купив снеди на месяц вперед, они совершили марш-бросок по мастерским купив всяких материалов и орудий труда, после чего как в воду канули. Ну, тут как раз все сходится – легли на дно и теперь дожидаются, когда шумиха стихнет. Одно непонятно – куда так удачно могли «лечь» люди, впервые попавшие в город?

С улицы донесся характерный стук костыля. По всей видимости, это Григорян шкандыбаёт, дабы почтить меня своим присутствием. Два дня назад я оставил ему записку в раз-

валинах консерватории. Вот такая у нас система связи. От консерватории осталась только колоннада и мраморный подоконник у бывшего служебного входа. Этот подоконник и служит нам почтамтом. На чудом сохранившейся мраморной плите всегда разбросано несколько сотен записок. Расположенные в центре города развалины «консы» – хотя бы раз в два-три дня обязательный пункт маршрута каждого, кто стал клиентом этой бесплатной почтовой службы, В записке я пообещал угостить Григоряна пивом, что давало сто-процентную гарантию его прихода. Григорян – городской сумасшедший и единственный в городе производитель, а значит, и поставщик бумаги. Чудо-агрегат, работающий на угле, перемалывает коноплю, а затем ее прессует. Раньше всю бумагу привозили с юга. Благодаря Григоряну мы обрели бумажную независимость. Другой бы на его месте стал одним из городских магнатов, переехал в большой дом, обзавелся охраной, любовницами и, быть может, построил бы трубопровод до ближайшего пивного заводика. Но все эти «бы» остались нереализованными, Григорян оставался таким же полунищим и полусумасшедшим инвалидом. Половина правой ноги Григоряна представляла собой деревянный протез с металлической набойкой – одна из жертв на его личном пути к вершинам технического прогресса. В тот злосчастный день он испытывал собственноручно изготовленную мортиру. Орудие взорвалась, гвардия перестала при-сматривать за Григоряном, протез обрел хозяина. Любое ог-

нестрельное оружие в наши дни взрывается. Как правило, еще до первого выстрела. Думаю, это какое-то заклятие, которое ведьмы наложили на порох. Хорошо это или плохо, зависит от того, будете вы кого-то держать на мушке или же этот кто-то – вас. Точно можно сказать одно: благодаря этому работа военного требует больших физических усилий.

Бочонок был осушен наполовину, прежде чем Григорян обрел способность делать паузы между актами глотания и нового всасывания.

– Рассказывай, Алекс, спойть меня этим количеством пива тебе все равно не удастся.

Что правда, то правда, пьянеет Григорян только от запаха – от запаха машинного масла и горячего металла. По счастью, у меня не водится ни то, ни другое.

– Старик, мне нужна твоя научная консультация, плачу оставшимся пивом, идет?

Я ничем не рисковал – второй бочонок Григорян уже заметил и без него не уйдет:

– Идет! – Его здоровая нога одним точным движением отправила бочонок подальше от меня и поближе к себе. В том, что касается пива, Григорян не доверял никому.

– На самом деле, я хотел с тобой поболтать о Большой Стене.

Передо мной лежал образец целлюлозной продукции Григоряна – лист бумаги неопределенного цвета. На нем я и набросал картинку, которую мысленно рисовал себе уже четы-

ре дня.

– Вот Стена, – я начертил линию, пересекающую весь лист, вот мы, а вот остальной мир. – Слова «МЫ» и «ОНИ» я начертил по сторонам от линии. – А теперь я тебе говорю, что минимум три человека оттуда попали к нам сюда, при этом Стена как стояла, так и стоит. Как, Григорян, скажи мне, как это может быть?

Кажется, я переусердствовал. Григорян решил, что я его подозреваю в диверсии. Попытавшись отодвинуться от меня и в то же время остаться рядом с пивом, он немного заикаясь залепетал:

– Ты-ты м-меня, почему спрашиваешь? Я в-в этом деле не участвовал... И вообще – я человек абсолютно непрacticный. А что-то я не припомню, чтобы ты интересовался теориями!

– Григорян, если ты мне не расскажешь хотя бы теорию, то до практики, я боюсь, дело просто не дойдет.

– Ну, теоретически всё просто. – Немного успокоившись, Григорян подвинул к себе лист бумаги. – Вариант первый: стена не так уж непроницаема и появился способ проникать за нее. Допустим, телепортация. Насколько я знаю, наши друзья с Лысой горы вполне могли бы проделать такой трюк, если не сейчас, то когда-нибудь. Вариант второй: те кто, как ты говоришь, проникли сюда, вовсе сюда не проникали, это просто обман. Ну, и, наконец, вариант третий: Стена действительно непроницаема. К нам действительно про-

никли с той стороны, но! Смотри – вот черта, которую ты нарисовал. Она же тебе не мешает рисовать и слева и справа от нее, ведь так?

– Так. Слава богу, еще не было рисунка, который мог бы мне чем-то помешать.

– А всё почему? – хороший вопрос, сейчас я на него возьму и отвечу... Нет, не буду, Григорян может обидеться.

– А потому, что нарисованная тобою черта существует лишь в двумерном пространстве листа, и ты абсолютно спокойно можешь оказаться по любую сторону от нее, воспользовавшись третьим измерением.

– Григорян, предположим на секундочку, что я понял, о чем ты говоришь... Но при чем здесь наша Стена?

– А при том, что точно так же любой, кто обладает способностью перемещаться в четвертом измерении, может этой самой нашей Стены попросту не заметить...

«Вот так вот – Большую Стену – и не заметить!» – подумал я ошарашенно.

– ...и оказаться здесь у нас с легкостью, впрочем, так же, как и в любом другом месте.

– Григорян, притормози, четвертое измерение – это как? Точнее, это что? С листиком бумаги все хорошо получается, а дальше я как-то теряю цепкость мысли.

– Ну, обычно считают, что четвертое измерение это время... Стена, к примеру, имеет свое протяжение не только в пространстве, но и во времени. И если в пространстве она

непрерывна, то во времени ее когда-то не было и, хочется верить, рано или поздно не будет. Так что теоретически путешественник во времени Стену нашу запросто пересечет. А практически Стену преодолеть невозможно.

С Григоряном всегда так: вроде бы и ответил на твой вопрос, значит, и пиво не зря выпил, а толку никакого.

– Скажи-ка мне, а насколько возможно перемещение во времени?

– Теория допускает такую возможность. А практика... Когда я слушаю Григоряна, мне иногда кажется, что в детстве его отец, видя, что маленький Григорян нашкодил, пугал двумя чудищами – Практикой и Теорией. Судя по всему, детские страхи остались с ним на всю жизнь... Так, кажется, Григорян переходит к Практике.

– Когда-то мне довелось побывать в одних архивах... Там описывался случай перемещения во времени, но вряд ли тебя это заинтересует.

– Нет, ты уж расскажи, вдруг да заинтересует. Я, пове-ришь ли, в последнее время страшно любопытный!

– Так пиво кончилось!

А ведь некоторые считают Григоряна бескорыстным – взял и остановился на самом интересном месте. Хорошо, пиво нынче для меня не проблема. Алиса мне открыла кредитную линию на продукты и выпивку. Думает, меня так можно дополнительно мотивировать. Что ж, в данном случае это весьма кстати.

Когда новый бочонок был водружен на место старого, Григорян продолжил:

– Даже с точки зрения магии, путешествие во времени дело крайне сложное, но! Но – реально – в том случае, если происходит вначале в одном направлении, а затем в обратном.

– И какой промежуток между этими «туда» и «обратно»?

– Алекс, это же магия! Здесь не оперируют секундами и сантиметрами. Вдох, миг, удар сердца, вдохновение – у господ с Лысой горы всё субъективно, но закон сохранения энергии действует и у них! В архивах зафиксирован лишь один случай, когда произошел такой скачок, а точнее, два скачка... Наши волшебники и волшебницы появились не сегодня и не вчера. И до Большого Баха, и до рождества Христова всегда был кто-то, наделенный способностями. В архивах есть много чего на этот счет. Если им верить, в древности были монстры, которые проглотили бы нынешних, не поперхнувшись... И одной из них была Мокаша... Интересно то, что наша Хозяйка Лысой горы ведет свой род от нее. А ведь рода могло и не быть. Как гласит легенда, Мокаша была поймана и замурована в башне, где ей и суждено было умереть. Однако некий маг Олекса вызволил Мокашу, проникнув в ее башню с магическим плащом, в котором можно было переноситься во времени. Оказавшись в те времена, когда башни не было, им достаточно было сделать несколько шагов, чтобы вернувшись в свое время Мокаша оказалась на

свободе. Интересно, что про этого загадочного Олексу больше ничего не известно. Существуют хроники, которые вела Мокаша, там она описывает его как высокого мужчину со шрамом на правой скуле.

– Я только не понял, почему ты сказал о двух скачках.

– Олексе для того, чтобы доставить плащ, тоже нужно было совершить скачок, башня ведь была замурована! Вот и получается два скачка – Олекса туда-обратно и Мокаша точно так же.

Глава десятая

Частная собственность Алисы

Просто открывающиеся ларчики, как правило, пусты. Из чего, впрочем, не следует, что сложно открывающиеся ларчики что-либо содержат
Из курса «Интуиция и взлом сейфов»

Впервые со вторника мои мозги заработали. На самом деле всё складывалось в достаточно логичную схему. Осталось кое-что проверить – и можно смело требовать гонорар. Конечно, если Григорян прав. Что ж, это самое «кое-что» мне и предстоит проверить.

Начал я с места, где еще не так давно жило семейство урчалок. После чего тщательно обследовал стену собственного дома. Если бы я не знал, что ишу, то никогда в жизни не обратил бы внимание на миниатюрные шипы, усеявшие все пространство вокруг окна на третьем этаже. Точно такими же шипами стреляло оружие чужака. Может быть, урчалка уже имела опыт в потреблении незнакомцев, стреляющих из жужжащего оружия?

Алиса, наблюдая за моими манипуляциями со стремянкой, решила, что я окончательно сдвинулся, но, по крайней мере, не пыталась мешать. Так, приглядывала, чтобы я стремянку не сломал.

Теперь дело было за семнадцатой квартирой. На этот раз я не торопился и осматривал ее с вниманием мужчины, обследующим свое окно, внезапно обнаружив, что оно выходит в женскую баню. Собственно, с этого и нужно было начинать.

Что-то здесь было не так. То, что комфорт, созданный в квартире, приближался, насколько я мог себе это представить, к уровню королевских покоев, было еще полбеды. Я просто совершенно не мог себе представить, чтобы, потратив столько сил за такие фактически нереальные сроки, кто-то мог успеть озаботиться запасным аэродромом. Все соблазнительней казалась идея списать пропажу на урчалок... Но если я чему-то и научился на службе, так это тому, что чутью нужно доверять. Тут главное прислушаться к самому чувству, не пытаясь понять, о чем именно оно трезвонит. Интуиция работает приблизительно в стилистике голубя, попавшегося на глаза Ною – земля близко, но где – догадайся сам. «Где» – вот ключевое слово.

Ларчик начал открываться достаточно просто. Квартиры номер шестнадцать и восемнадцать были свободны от жильцов, и я не видел ни одной причины, которая могла бы помещать чужакам спокойно отсиживаться там. Почему-то мне казалось, что отсутствие у чужаков ключей не могло стать непреодолимым препятствием.

На этот раз Яковлев не выказал материальной заинтересованности. Судя по его отстраненному виду, в тот самый момент, когда его уши поглощали мою просьбу, мозг майю-

ра был занят подсчетом барышей, размер которых заставил его забыть о том, что и я могу быть дойной коровой. Костяное отделение прибыло в мое распоряжение по мановению руки Яковлева, которая, вероятно, тоже действовала в автономном режиме.

Получить от Алисы ключи от шестнадцатой и восемнадцатой квартир было сложнее.

– Алекс, ты слышал что-нибудь про такую вещь, как частная собственность?

Произнося эту фразу Алиса, так интенсивно дышала, что я не сразу обратил внимание, что она при этом еще и говорит. Мне было не до этого, я спорил сам с собой – выдержит платье Алисы напор её же груди или не выдержит. Схватку выиграло платье, и я снова смог воспринимать окружающий мир целиком.

– Повторяю по слогам – част-на-я соб-свен-ность, слышал?

Слышал. А Алехин вот не слышал. С точки зрения гвардии единственный предмет, который может претендовать на неприкосновенность, это Корона. Что впрочем несколько не мешает регулярной сменяемости наших монархов в результате череды несчастных случаев. Некоторые из нас даже могут назвать имена и фамилии этих случаев.

– Алиса, давай, ты Хозяйке Лысой горы расскажешь про частную собственность, ладно? У тебя там что – подпольный бордель?

Надо было видеть выражение её лица. Кажется, я попал в точку. Впрочем, ключи уже лежали в моей ладони. То ли Алиса решила: раз я и так все знаю, то ей нет смысла упорствовать; то ли воспоминание о том, как Ганс справляется с запертыми дверьми, навело её на мысль, что отдать ключи будет экономнее.

Шестнадцатая квартира пала к нашим ногам — я попал в яблочко. Яблочко было красным и червивым. Вся квартира представляла собой одну большую комнату. Комнату, обитую красным шелком с золотом, с кроватью, способной вместить не меньше дюжины детективов с дюжиной же подружек. А гравюры, украшавшие стены, заставили покраснеть самого Алехина... Комнату, которая не оставляла сомнений в своем назначении. Однако чужими здесь и не пахло. Думаю, они бы тут не выжили. Если честно, я не знаю, кто вообще мог уцелеть в этой комнате. Кто-то, у кого либидо размером с Крещатик.

Может быть, мне показалось, но гвардейцы покинули квартиру с явным облегчением и определенной поспешностью. Вот, а послушать, так чего только не расскажут про распушенность военных. Куда им до гражданских. Желания военных — просты, естественны и лишены размаха.

Очередной ключ лег в мою ладонь. Какой скелет ждет меня в восемнадцатом шкафу? Взгляд Алисы не предвещал ничего хорошего: она только что увеличила сумму своих налогов на изрядную величину. Налоги у нас собирает гвардия.

Собственно, это ее главное предназначение, так как враги внешние приходят и уходят, враги внутренние неизбежно уничтожают друг друга, а вот внушить населению мысль о том, что сбор налогов так же неизбежен, как цветение каштанов, есть стратегическая задача гвардии. Все остальные операции – лишь реклама возможностей бойцов Короны. Не знаю, по какому тарифу мытари Короны оценивают операции со сдачей в аренду женского тела, но уж точно не по льготному.

Ключ-замок-поворот... Что-то крутится в голове, а что – не могу ухватить. Уп-с... Теперь мне понадобится несколько недель, чтобы головной мозг снова смог соперничать со спинным. Что там Алиса говорила про частную собственность? В жизни бы не поверил, что найду здесь, во владениях Алисы то, что, кажется, смутило её куда больше, чем предыдущие апартаменты. Передо мной открылась золотая мечта моего дедушки. Двухкомнатная квартира фактически представляла собой библиотеку с кабинетом. Не знаю, сколько здесь было томов – десять тысяч, двадцать? Каждый сантиметр этих стен был занят полками – полками, полными книг. Волшебные запахи бумаги, клея, переплетов... И вся эта сокровищница принадлежала Алисе.

Как низко мы пали. Отныне комната, ящик стола, трещина в штукатурке – вот место тайны. Не пещера, не заброшенный склеп и даже не з`амок... Сегодня тайны были на букву «б» – бордель и библиотека. Быть может, Алиса просто

любит всё, что начинается на букву «б», а может, если бы мы начали со второго этажа, там обнаружили бы тайны на букву «а»? Увы, больше пустых квартир в доме не было.

Без сомнения, эти квартиры должна были стать моим прибежищем. Ну о каком еще соседстве может мечтать холостяк с зачатками интеллекта – книги и секс. Не хватало разве что пивного погреба.

– Удовлетворены? – Алиса явно выбрала не то слово. – Осмотр окончен?

– Алиса, ты знаешь, мне кажется, осмотр этих помещений, надо время от времени повторять.

– Размечтался! – И куда девалось ее смущение? Надо будет как-нибудь на досуге поискать, что еще Алиса прячет в этом доме. Хотя бы для того, чтобы еще раз увидеть эта женщину смущенной.

Вероятно, Алиса по ночам тренируется в искусстве запирания дверей на ключ. Дверь была заперта на три оборота с такой скоростью, что щелканье замка слилось в один звук. Мне удалось на секунду задержаться между шестнадцатой и семнадцатой квартирами.

У этих апартаментов было всего две общие детали. В каждой из квартир, кроме замка, открывающегося и снаружи, и изнутри, был запор, позволяющий чувствовать себя не зависящим от человека с ключами. А еще у них была общая стена...

Алиса еще раз продемонстрировала свой фокус с замком

и ключами и ушла, умудряясь даже спиной показывать, как она ошиблась при выборе детектива. Алехин с бойцами показали бы мне то же самое, если бы спинами, а также тем, что спинами не является, были способны подражать Алисе.

А я... А что я? Вместо того, чтобы сгорать от стыда, я вот-вот должен был закипеть от гордости и готов был простить каждого, кто решил, что я упал лицом в грязь. Если я и упал, то упал в нужном месте. По крайней мере, мне очень хотелось в это верить – еще одного выстрела в молоко моя едва родившаяся репутация просто не выдержит. Вероятно, мне понадобится призрак. Потому что без кого-нибудь с Лысой Горы мне не обойтись. Насколько я понимаю, именно у призрака наибольшие шансы доставить сообщение на Лысую гору.

Глава одиннадцатая

За что я люблю Конан Дойла

Не стесняйтесь пускать побольше пыли в глаза. Даже, если кроме этого вам нечего предъявить, но количество пыли впечатляет – это само по себе достижение.

Из «Пособия для молодых политиков»

Я таких представлений еще не устраивал, но вся историческая, точнее литературная традиция частных детективов просто не оставляла мне выбора. В детстве я слишком много раз перечитывал Конан Дойла, Честертона и Стаута. Риск, правда, оставался, но я подумал: если уж мне суждено выйти из этой истории клоуном, пусть хоть зрители будут достойными моего провала. Яковлев пришел за полчаса до назначенного срока, Алехин, который вызвался обеспечивать безопасность шефу «в бандитском притоне Алекса», явился за полчаса до шефа, в надежде вынюхать, что же это я такое готовлю. На самом деле Алехин пришел, чтобы понять, как мне, нормальному с виду мужику, удалось накопить такой колоссальный запас наглости, чтобы, оставшись ни с чем вчера, сегодня снова звать гостей. Впрочем, я был даже рад его появлению. Если что – будет, кому приложить грубую физическую силу. Алиса вплыла, как и положено хозяйке дома, с пятиминутным опозданием. Следом ввалил-

ся Ганс, таща гигантский поднос, на котором высились пирамида бутербродов и ведерный чайник. Григорян пришел еще через две минуты огляделся по сторонам, поскукнел – и ожил вновь, лишь принимая из рук сердобольной Алисы бокал пива. Алиса сверлила меня взглядом, у меня же сводило желудок. Когда я волнуюсь, у меня всегда так. В тот момент, когда я решил было начинать в том составе, какой имеется, я увидел, что глаза Яковлева поменяли форму. Квадратные глаза с расширенными зрачками украшают мужчину... и женщину тоже – у Алисы глаза неожиданно стали улучшенной версией яковлевских. Дошел черед и до моей пары: в дверях, с интересом изучая всех присутствующих, стояла женщина, которая абсолютно точно никогда не станет моей женой. Нужно быть мазохистом, чтобы пожелать себе обладать такой женщиной на постоянной основе – небольшая армия с отличным вооружением, вероятно, могла бы удержать этот бастион неприступным, но вот как спастись от собственных солдат... они же, как на грех, все до единого мужчины. Впрочем, по нынешним временам и женщина может увести твою подругу, так что взвод амазонок тоже не спасал ситуацию.

Чувствуя себя медведем, пытающимся во славу циркового искусства выполнить особо сложный фокус, ну, например, встать на задние лапы и посчитать до двух, я нерешительно двинул в сторону гостыи стул и пролепетал что-то, вроде: «Может, хотите...» – слово «присесть» так и не выговори-

лось. Пауза, которая воцарилась после того, как незнакомка присела, могла бы тянуться до следующего ледникового периода, если бы ее причина не заговорила:

– Я приехала по вашей просьбе... детектив Алекс. Ковен посчитал, что я смогу предпринять всё, что нужно в вашем деле.

Если на пути к моему сердцу и существовали препоны, ее голос их только что устранил. Однако то, что она назвала меня детективом, или то, что я просто устал быть нервным и подавленным, позволило мне расслабиться и начать представление:

– Прежде чем мы начнем, Алиса, вы не хотели бы выплатить мне всю причитающуюся сумму?

– А это обязательно?

Я бы решил, что мою хозяйку подменили, если бы она без боя отдала мне деньги. Тем более, после моих вчерашних поисков-происков. Её утешало другое. Наличие представителя ковена, теоретически могло отменить ее визит на Лысую Гору. Рука Алисы, передающая мне кошель, двигалась будто бы повинувшись чужой воле. Теперь, чтобы поднять градус наших отношений мне придется потратить массу усилий. Как минимум – найти чужаков. Так, теперь перейдем к представителям власти:

– Господин Яковлев, можете ли вы пообещать мне не преследовать никого из присутствующих в этой комнате, если в их действиях не будет явного нарушения закона?

Недоумевающий Яковлев собирался брякнуть что-то про его отношение к закону, но, глянув на мисс Совершенство с Лысой горы, кисло пробурчал:

– Обещаю.

Теперь наступала самая тяжелая часть. Я решительно развернулся к прекрасной гостье:

– Вы могли бы представиться?

– Конечно. Вы можете называть меня Младшей Хозяйкой, детектив Алекс. Краем глаза я заметил, что у Григоряна лицо вытянулось. Интересно, а кого он ожидал, Хозяйку Лысой Горы собственной персоной?

– Можете ли вы пообещать мне, что не причините вреда чужим с Той стороны и моей клиентке, нашей радушной хозяйке – Алисе Сергеевне?

Наградой мне стал взгляд Алисы. Так, если она запомнит этот момент, про арендную плату я смогу забыть примерно на год. А может, меня пустят на минутку в библиотеку!

– Я никогда не даю обещания, детектив, это запрещено нашими правилами, – начало было оптимистичным, – но пока у меня нет причин наносить кому-либо вред, так что смело продолжайте.

– Прежде, чем продолжить, я не торопясь уселся на высокий табурет, стоящий у стены и, подождав секунд десять, смело продолжил: в конце концов, меня об этом попросила Младшая Хозяйка.

– Итак, около недели назад четыре человека с той сторо-

ны умудрились преодолеть Большую Стену. Двое из них пытались спастись бегством, а двое их преследовали. Преследуемые добрались до нашего города и, посчитав себя в полной безопасности, поселились в нашем доме. В этой самой квартире. Однако буквально на следующий день погоня их настигла. К счастью, беглецам повезло. Когда преследователи пытались обстрелять их окна, они промахнулись. Времени же на второй выстрел у них не было – один из преследователей стал жертвой урчалки. Звук, который производило его оружие, до того напоминает стрекот гигантских стрекоз, что урчалка (а урчалка, живущая в городе, вечно голодна) попросту съела неудачливого нападавшего. Второй скрылся. Следующую вылазку ему мешали осуществить мы с господином Яковлевым. Видя нашу возню, он решил переждать, пока все уляжется, а уж потом взять беглецов тепленькими. Он не спешил, потому что твердо знал: беглецы от него никуда не денутся. Они и не делись.

Самое удивительное то, что они вообще добрались до нас. Это стало возможным только благодаря тщательной подготовке к этому путешествию и тому, что у них был с собой некий предмет, который превратил их путь в легкую прогулку по днепровским кручам.

По ходу рассказа я постепенно перестал сипеть, заикаться и бояться того, что сейчас меня прервут. Они меня слушали, даже перестав коситься на Младшую Хозяйку...

– Но куда исчезли беглецы? Беглецы, которые сделали в

этой квартире такой ремонт, будто въехали в нее навеки.

Эта квартира – единственное место в городе, где для того, чтобы помыться в теплой воде, не нужно разводить огонь. У меня есть также подозрение, что зимой в этой квартире будет тепло, вне зависимости от того, будет Алиса экономить на угле или нет

– Алекс!

Странно, я думал, Алиса гордится своей бережливостью.

– Прости, вспомнилось... Итак, беглецы, которые так беспокоились об уединении, что врезали два дополнительных замка. И, наконец, главное. Все замки были закрыты. И закрыты они были изнутри.

Глава двенадцатая

Те же плюс чужие

В своей речи вы должны как можно чаще употреблять слово «До» и как можно реже слово «После». У непросвещенной клиентуры слово «После» вызывает ничем не мотивированные переживания

Из материалов курса «Профессия палача»

– Детектив Алекс, что значит «изнутри»? Вы же не хотите сказать, что они испарились, не выходя из комнаты? – Наверное, мне показалось. Но, будь я проклят, если Младшая Хозяйка не специально задала мне этот вопрос. Мол, хочешь нас заинтриговать, давай – интригуй!

– Вообще-то, они могли поступить и так, воспользовавшись тем же предметом, который позволил им попасть сюда. Но, насколько я понимаю, им, во-первых, не очень хотелось попадать еще куда-то, а во-вторых, они совершенно не имели понятия, куда могут попасть... Ганс, еще чаек остался?

Ганс безропотно налил мне чаю и даже насыпал в него сахар.

– Чужаки не испарились. И никуда не делись. Они вообще не выходили из этой квартиры.

Тишина, которая воцарилась в комнате, была достойной компенсацией за вчерашний провальный обыск двух сосед-

них квартир.

Когда я стоял в проходе между открытыми дверями в шестнадцатую и семнадцатую квартиры, мешая Алисе побыстрее покинуть наше общество, я очень удивился, что толщина стены между двумя квартирами составляет добрых полтора метра. Однако – ведь не в бункере живем... Будь у меня в квартире гостиная, я бы сообразил быстрее. Гостиная семнадцатой квартиры была меньше аналогичной, расположенной на этаж ниже, как раз на эту нереальную глубину стен.

Я, конечно, не был абсолютно уверен в результате своего опыта, но решил все же дать им шанс. Во всяком случае я бы на их месте им воспользовался. Я подошел к глухой стене и деликатно постучал. Надо отдать им должное: по звуку понять, что стена полая было невозможно. Прошло несколько томительных секунд, во время которых любовь слушателей ко мне успела вырасти до предела и упасть до отрицательного значения, затем в том же направлении покатилося мое самомнение и... Я чуть не упал. Я думал, у них там что-то вроде дверцы. Что рухнет вся стена целиком, я предположить не мог. За стеной, припорошенные поднявшейся пылью, стояли два существа, которые и вправду сильно смахивали на мушкетеров. Что-то в них было настолько незащищенное, что стало даже стыдно, что я раскрыл их местоположение. Впрочем, сейчас был тот редкий момент в моей жизни, которым хотелось насладиться в полной мере.

– Господа, разрешите вам представить наших беглецов, – я сделал многозначительную паузу, которой они догадались воспользоваться. Беглец, который был повыше, поплотнее и больше похож на мужчину, чем на женщину, важно сделал маленький шагок вперед и заполнил помещение неожиданно густым басом:

– Адам Шульман и Полина Михновская.

Полина явно засмушалась и продолжила представление:

– Мы журналисты.

Комната забурилась. Но забурилась спустя вдох-выдох. Все же если бы чужаки вошли в дверь, адаптация к их присутствию прошла бы намного легче. Адам и Полина явно радовались возможности пообщаться, и нельзя сказать, что присутствующие были худшими кандидатурами для этого. Вероятно, именно это переплетение низких и высоких голосов музыканты называют полифонией. Сопрано Полины, надтреснутый тенорок Григоряна, бас Яковлева... Единственным исключением оставалась Младшая Хозяйка. Выждав, пока Алиса вышла из комнаты и вернулась с новым чайником, она исполнила соло своим бархатным меццо-сопрано, чем мгновенно восстановила тишину:

– Алекс, вы не могли бы продолжить?

Я – мог. Более того, я хотел. Я даже считал себя в каком – то смысле выброшенным на обочину мною же затеянного представления. Я подошел к платяному шкафу, вытащил оттуда безразмерную плащ-палатку, которая мне пригляну-

лась еще при моем первом визите в семнадцатый номер, откашлялся и, увидев, что борьба за внимание вновь выиграна, продолжил:

– Могу только догадываться, каким образом этот предмет попал в руки к господам журналистам. Я не знаю, как им удалось разгадать принцип его действия, но факт остается фактом – им достался до сих пор считавшийся мифическим плащ Мокаши. Тот самый, благодаря которому легендарная ведьма вырвалась из плена, будучи замурованной в башне. Так или иначе, но этот плащ вызвал интерес не только у газет, но и у людей, которые быстро оценили все преимущества, которые могут дать скачки во времени. Плащ Мокаши создан именно для этого – для перемещения во времени. Не знаю, когда им это пришло в голову, но Адам и Полина решили укрыться от преследования у нас и сделали то, что до сих пор не удавалось никому – пересекли Большую Стену. Они просто вернулись во времени к тому моменту, когда стены еще не было, сделали буквально один шаг – и оказались уже в нашем времени, но по эту стороны Стены. К их несчастью, они не знали, что плащ подействует не только на них, но и на двух человек, которые незаметно для беглецов следовали за ними. Поэтому, переносясь во времени, они зацепили с собой своих преследователей. Я в чем-то ошибся?

– Нет, все было именно так, – Адам, держа бутерброд в одной руке и чашку чая в другой, принялся заполнять белые пятна в моем рассказе:

– Мы с Полиной специализируемся на всевозможных аномалиях. – Увидев наши полные понимания взгляды, Адам поспешно уточнил: – Ну, странности, необъяснимые явления... Мы пишем о них статьи, пытаемся находить какие-то закономерности, это и наш хлеб, и наше любимое дело. Плащ мы нашли в ходе одной из наших командировок. Нам пришлось провести целые археологические раскопки, чтобы добраться до него. В месте, где мы копали, время от времени исчезали, а затем вновь появлялись люди и предметы. Сначала все считали этот плащ чем-то вроде шапки-невидимки. Ну, а нам удалось выяснить, что исчезновение происходит за счет перехода в другое время. Мы опубликовали материалы об этом плаще и приготовились пожинать славу первооткрывателей, но вместо этого нам пришлось пуститься в бег. Конечно, можно было избавиться от плаща. Но плащ – самая ценная находка в нашей карьере! Отчаявшись, мы приняли решение попробовать с помощью плаща проникнуть сюда. Тем более, что у вас тут количество аномалий должно быть просто неприличным...

Интересно Адам понял, что, по крайней мере, одна из этих аномалий внимательно его слушает?

– ...А дальше вы все знаете. Нам удалось оторваться от преследователей. По крайней мере, нам так казалось: ведь мы, в отличие от них, готовились к этому путешествию и потому, пусть примерно, но знали местность. Сняв квартиру у нашей очаровательной хозяйки, – глазки Адама, обра-

ценные к Алисе затуманились, видно, он увлекался не только аномалиями, – мы сделали небольшой ремонт. Полина... Полина привыкла к комфорту. А заботясь о комфорте, мы позаботились и о безопасности. После нападения мы перетаскивали продукты и воду в потайную комнату и решили выждать, пока все уляжется...

– Кто были эти двое и что вы можете сказать об их оружии?

Думаю, Яковлев предпочел бы беседовать не с любителями аномалий, а с носителями жужжащего оружия, доставившего столько хлопот гвардии, однако выбирать ему особо не приходилось.

– Вы знаете, что такое полиция?

Яковлев не знал. Действительно, откуда бы ему знать о полиции?

– У нас нет полиции, просветите нас, пожалуйста! – Кажется, майор начал жалеть об обещании которое он мне дал... Адам же, услышав про наше неведение, был готов сложить голову мчаться в ловушку, которую ему методично расставлял Яковлев.

– Полиция это опасная, хорошо организованная банда с прекрасным вооружением. Воры и убийцы. Страшно даже представить себе, что могло бы случиться, если бы они нас догнали! – майор был удовлетворен, но, как это ни странно, я не замечал в уголках его губ капелек слюны, означавших, что он предвкушает чью-то казнь или арест. Видно, сегодня

он был настроен довольно благодушно. Стул скрипнул освобожденный от непомерной тяжести мощного яковлевского тела. В руках майора оказалось оружие нашего старого носатого знакомого, извлеченное, по-видимому, из желудка урчалки.

– Это не оружие, – майор, будто сомневаясь еще раз посмотрел на трубку с раструбом. – Точнее, это не оружие бандитов. Бандитам нет нужды усыплять своих противников. Насколько я понимаю, вы отказались передать плащ представителям власти. По счастью, я здесь, и вам все же придется отказаться от владения этим предметом...

Есть вещи которые не меняются. Как ни назови хорошо вооруженную и организованную банду воров и убийц – лучше она от этого не станет. То, что не удалось сделать полиции, сделает гвардия, и куда теперь бежать Алисиным постояльцам?

– Плащ? – Младшая Хозяйка плавно поднялась со стула, и ее протянутая ладонь, не оставляла сомнений, в чем состоял интерес Лысой горы к этому делу. Это там, у себя Младшая Хозяйка была младшей, здесь же старше ее не было, и пока Адам, Полина, Алиса, Яковлев и Григорьев пялились на ведьму, я безропотно вручил Младшенькой предмет, который господа журналисты надеялись сохранить, а Яковлев – заграбастать. Наверное, чужаки сейчас просто-таки надрываются от смеха. Только глубоко внутри. Поэтому никто этого и не замечает.

Плащ пришлось отдать. С другой стороны, они живы. Опять-таки, горячая вода в квартире... Судя по чудо-ремонту и скорости сооружения потайной комнаты, у Адама и Полины осталась еще парочка козырей в рукаве.

Глава тринадцатая

Шрамы украшают мужчину

*И что хорошего люди находят в дорогах?
Проблемы с питанием, гигиеной и экстремальные
физические нагрузки.
«Воспоминания говорящей лошади»*

Последний раз я ездил в карете еще на службе. Впрочем, в *такой* карете я не ездил никогда. Вместо обычной для этого транспорта тряски, от которой после езды хочется тут же убедиться, все ли зубы сохранили свое место во рту, движение этого колесного средства сопровождалось мягким покачиванием – не карета, а колыбель. Противно ныла рана на скуле. Будучи на вершине успеха, я не ожидал, что Младшая Хозяйка, увидев плащ Мокаши, начнет действовать с решительностью бойцов Костяного отделения. Правда действовала она в своей несколько отличной от рукопашного боя манере – остается пожалеть, что во времена моей службы у нас в отделении не было хотя бы самой младшей служанки этой Младшей Хозяйки. Я, вероятно, потерял сознание, потому что когда я пришел в себя, то находился уже в карете по правую сторону от этой женщины-вамп. Чувствовал я себя униженным и оскорбленным, а кроме того, предельно озадаченным. Чтобы уволочь плащ, необходимости в открытии бое-

вых действиях не было. Помнится, этот магический предмет был передан безо всякого сопротивления присутствующих. Да и чтобы похитить вещь потяжелее, к тому же отягощенную свободой воли – меня, – особых усилий от Младшей Хозяйки не потребовалось бы; так, пару раз согнуть и разогнуть указательный пальчик, сопроводив это легким усилием мимических мышц, вызывающих улыбку. Ангельский голосок прервал мое мысленное построение башни из обид и несправедливостей:

– Детектив, простите меня – так было нужно. Сценарий давно написан, и нам с вами осталось только исполнить свои роли.

Обожаю, когда собеседники изъясняются, бросая реплики из древнегреческих трагедий.

– Хотелось бы вам верить, но почему моя роль – это роль боксерской груши?

– Это не так. Вы – точнее тот, кем вам суждено стать, одна из легенд нашего народа. Раз вы раскопали историю плаща, вы должны знать, что Мокаше ее принес маг Олекса.

– Ну, да...

– Помнится, Григорян рассказывал о маге с женским именем. Всё у магов не как у людей, хочется верить, что Младшая Хозяйка не окажется милым юношей: лично мне такое превращение не доставит удовольствия...

– Алекс, как вы считаете, каким образом плащ, найденный Адамом и Полиной попадет к этому магу, чтобы тот мог

спасти Мокашу?

– Считаю я неплохо, но только не сейчас, и потом, что значит попадет? Насколько я понимаю, он уже попал, я не прав?

Тон Младшей сменился: только что она ворковала, опьяняя обертонами, и вот на меня обрушился голос с явными металлическими нотками. Судя по всему, это было отнюдь не серебро, а сталь, местами, переходящая в чугун.

– Да. плащ уже попал к Мокаше, но в то же время ему еще только предстоит попасть к вам, Алекс, чтобы вы с его помощью спасли Мокашу. Это было. И это будет. Потому что вы и есть маг Олекса. – Нахмурившись, Хозяйка отвернулась от меня, созерцая в окошко дорогу. Свою трансформацию из Алекса в Олексу мне еще нужно было пережить. Ну имя – ладно. А вот с магом как быть? Единственный вид волшебства, которым я владею в совершенстве – обмен веществ, в том числе такой экзотический, как превращение выпитой водки в головную боль. Если Младшая Хозяйка имела в виду именно это, то что ж – не маги горшки обжигают. Некоторые мои знакомые пошли дальше, пытаясь вылепить пули из не самого подходящего материала с помощью нескольких заклятий, в основном на татарском...

– Алекс, мы сейчас едем с вами на то самое место, где когда-то стояла башня, в которой замуровали нашу великую прародительницу. Вы нырнете в прошлое, спасете ее – и снова окажетесь здесь. Плащ останется у Мокаши, а она вернет-

ся в свое время. Воспользовавшись им, она, скрываясь от погони, обронит его, и плащ, переходя из рук в руки, через сотни лет, в конце концов будет найден Адамом и Полиной.

– Ну а бить меня, зачем было?

– В своем дневнике Мокаша писала, что у мага Олексы был шрам на скуле, а у тебя никакого шрама не было, вот я и решила подстраховаться.

Да уж... Хорошо, что Мокаша не написала, что у меня один глаз был стеклянный, щеголял бы я сейчас с повязкой в стиле Билли Бонса.

– Младшая Хозяйка, а вы уверены, что речь шла обо мне?!

– Вы, детектив, забыли, с кем разговариваете? Я не «уверена», я точно знаю, что это именно вы.

– И что, ошибок никогда не было?

– Алекс, своей болтовней вы только подтверждаете правильность моих действий. Если бы я просто предложила Вам проехаться, мы с вами и до кареты бы не дошли. Вам оказана честь. Имейте достаточно ума и такта, чтобы принять ее.

А ведь и вправду, ведьмы меня еще не били. И почему так получается: стоит возмутится насилием, как вам тут же напоминают о чести и уме? А вдруг это не совпадение?

Как Младшая определила именно это место посреди болота – для меня загадка. Наверное, просто знала. И, наверное, я так никогда и не пойму, почему этим чокнутым ведьмам то ли прошлого, то ли настоящего пришлось в голову использовать простого парня в качестве спасителя легенды. Но

– плащ на мне, а Младшая Хозяйка, отойдя подальше, чтобы не попасть под действие плаща, словно дирижирует невидимым оркестром своими тонкими гибкими руками...

Ха, оказывается, сегодня полнолуние. И почему это я не удивлен? Вот она катится, круглая...

И тут все исчезло.

Глава четырнадцатая

Старшая и Младшая Хозяйки

*Счастье, вот оно, только что было, звенело
длилось, казалось, что так будет вечно... и
внезапно уже все позади, словно и не было ничего
Из воспоминаний лопнувшей струны*

– Сними плащ!

Быть может, чьи-то глаза и могут видеть в темноте, но только не мои, а вот женские руки я способен ощущать не только в темноте, но даже в глухоте. Эти были ласковыми до неприличия. Вслед за плащом отправился весь мой небольшой гардероб, в награду же за эти лишения я получил то, чего ждет каждый мужчина, и далеко не каждый дожидается. Ласковыми у Мокаши были не только руки... Наверное, в этой башне был пол и были стены... Наверное. Быть может, я не умею летать. Быть может... И мне остается только всю оставшуюся жизнь надеяться, что все это мне не приснилось. Мне очень бы хотелось, чтобы Мокаше было хорошо, хотя бы вполовину, так как мне. Мы сидели на внезапно появившемся каменном полу, и лично я совершенно неожиданно почувствовал, что пол этот не только холодный, но и влажный.

– Тебя как зовут, спаситель?

– Алекс.

У меня это своеобразный рекорд. Бывало, что я забывал имена, но чтобы моим именем поинтересовались не до того, а после – такое со мной впервые.

– Я буду называть тебя Олекса, мне так привычнее, ты не против?

Я был не против, тем более, что, судя по хроникам, от меня в этом вопросе уже мало что зависело.

Пора, Олекса – шепнула она мне. Мы оделись, обнялись, и она накинула на нас плащ. Звезды зажглись отражением костров, горевшими вокруг нас.

– Прощай, – шепнула она и сдернула с меня плащ. Тут я наконец-то увидел Мокашу. Есть женщины-березки, есть женщины-кобылки, передо мной была женщина-металл. Красота? Если есть очарование у смертельного удара, гармония в натиске сомкнутого строя, великолепие в падении поверженного противника. Мокаша была совершенством.

Её брови приподнялись – царапина на моем лице была серьезной.

– Наверное, останется шрам? Это я сделала?

Лучше скромно промолчу – в хронике ничего не было сказано про причины возникновения знака суровой мужской красоты. Пусть это останется на совести Младшенькой.

– Прощай Олекса, – услышал я уже откуда-то издалека. Мокаша упала – как пропала – вверх. Не прыгнула, не взле-

тела, а именно упала и исчезла. Простите, киевлянки, мое сердце для вас потеряно на века, ну, или, по крайней мере, на несколько недель. Понадобится сделать много выдохов, чтобы лица красоток снова начали волновать кровь в моих жилах, как это положено здоровому мужчине. Не знаю, сколько времени я провел с Мокашей, но вокруг было добрая сотня костров и у каждого – несколько обитателей Лысой Горы. Прямо передо мной материализовалась карета. На этот раз кроме кучера компанию мне никто не составил. Я был этому только рад.

Довезли меня только до комендатуры. Еще бы, карета, съехавшая по Прорезной, запросто сойдет за сани – у колес нет ни одного шанса остаться целыми. А вот моим ногам, вероятно, ничто не страшно. Они безропотно донесли меня домой, где, нагло расположившись у меня в офисе, детектива Алекса поджидали Алиса и Григорян. Алиса, судя по рюмянцу, составила компанию Григоряну в потреблении горячительных напитков и, изрядно преуспев в этом занятии, совершенно очеловечилась. Сейчас от ее имиджа снежной королевы не осталось ни льдинки. Увидев меня, она принялась радостно щебетать о том, что Адам и Полина решили остаться жить у нее и даже согласились компенсировать ей затраты на их поиск, то есть на меня. Григорян же не удостоил меня даже взглядом, он был увлечен Алисой и пивом и просто не мог отвлечься на что-то третье, пока у него был беспрепятственный доступ хотя бы к капле золотистого напитка. Вот

он и допивал очередной бочонок этих капель, пичкая Алису историями о жителях Лысой горы. Мне же хотелось одного. Будучи нынче богатым и сексуально удовлетворенным мужчиной, я элементарно хотел спать. И никакие разговоры, как впрочем, и обида на то, что никто не беспокоился обо мне (а ведь, как ни крути, меня похитили), не в состоянии были помешать мне выполнить одну простую, но очень важную задачу. Моя голова настойчиво требовала соприкосновения с любой горизонтальной поверхностью.

Не обращая внимания на Алису и Григоряна, я прошел в спальню и принял давно искомое телом положение.

– Алекс!

Ох, сердце екнуло: на какую-то секунду мне показалось, что я слышу голос Мокаши, но нет, это была всего-навсего Алиса.

– Алекс, ты хоть знаешь, кто такая Младшая Хозяйка? Ну, да, как раз, когда я лег, наконец, спать, у меня просто гора ответов буквально на любые вопросы – аж одеяло приподнимается!

– Откуда, Алиса? Я, что похож на колдуна? Да и не все ли равно?

– Не кипятись, мне Григорян рассказал. Старшей Хозяйкой ведьмы называют свою прародительницу – Мокашу. А так как с ней сравниться не может никто, то ныне царствующая Хозяйка Лысой горы зовется Младшей Хозяйкой. И выбирается всегда только из прямых наследниц Мокаши...

Ты понял?..

Я всё понял.

Алиса ушла, а вместе с ней ушел и долгожданный сон. Это что же получается? Вполне возможно, что большая часть моих родственников живет на Лысой горе? А утром явится Хозяйка и ангельским своим голоском прошебечет: – Дедушка, будешь на завтрак оладушки с медом?

Часть вторая

Радиус смерти

Глава первая

Ночь, улица, луна, Алиса

*Зря вы так обо мне плохо думаете, это всё
она – жена моя, я же существо безвредное и
слабохарактерное
Из объяснительногописка комара*

Падая, я сгруппировался, собираясь, перекатится к ближайшему кусту... но уткнулся в стенку спальни. Надо было очень постараться, чтобы упасть в щель между кроватью и стеной... Или чтобы кто-то помог совершить эту процедуру. Мне помогли. Сто пятьдесят сантиметров роста и выпуклости только в тех местах, где им положено быть по учебнику анатомии, успешно справились с этой задачей. Ей явно было тесно на кровати, где каких-нибудь три-четыре часа назад хватало места двоим. Звали ее Надя, то есть, нет, Лена... Впрочем, не важно, эти два имени так похожи, что, запоминать, которое из них ее, нет никакой необходимости. Глядя на ее безмятежное лицо, я неожиданно расхотел сгре-

сти это тельце и засунуть в щель между стеной и кроватью с противоположной стороны от меня. Пойду лучше водички попить. стакан холодной водички из-под крана в пять утра – что еще нужно здоровому мужскому организму? А вот и оно – то, что этому организму никогда не помешает... Алиса – хозяйка дома, в котором я снимаю квартиру, стояла на улице напротив моего окна в одной ночной рубашке. Нет, вы не подумайте, что ее фигуру освещал фонарь. Фонари на нашей улице не водятся. Зато луна этой ночью висела где-то в метре от крыши, и при желании, выйдя на улицу, можно было собирать иголки, правда для этого их надо было предварительно там рассыпать. Может, это Алиса так новых жильцов заманивает? Кажется, одна или две квартиры пустуют... Страшно подумать, кого можно заманить в такое время!

Словно почувствовав, что представитель мужского пола смотрит на нее в окошко, Алиса потянулась всем телом, отчего и без того далеко не пуританского образца пеньюар перестал прикрывать самые выдающиеся части Алисиной фигуры. Потянувшись, Алиса еще раз бросила взгляд куда-то в конец улицы, развернулась и пошла к подъезду. Разумеется, она посмотрела в мое окно. Не знаю, заметила ли она меня – я, вообще-то, довольно подвижный и спрятался быстро. Впрочем, даже если она меня заметила, это же не я, прикрывшись носовым платком, гуляю по ночным улицам...

Спать мне оставалось недолго: Григорян, переехавший к нам в дом, в девять утра запускает свою адскую машину по

производству бумаги. Единственный человек, которому это доставляет неудобство, – я. На самом деле, после того, как бумагу у него начали покупать жители Лысой горы, машина работает бесшумно. Какое-то заклинание. Оно и отводит весь производственный шум в другое место; хочется верить, что это место – не чья-то спальня... Вот Григорян и гоняет ее с утра до ночи. И хотя шума нет, небольшая вибрация, которую чувствуют только мои ломаные-переломанные кости, осталась. Так что в девять утра у меня теперь побудка. Не знаю, сколько я еще так выдержу. Вставать в девять утра! Если я продолжу в том же духе, то скоро начну делать зарядку, бегать вокруг дома, брошу пить и, вероятно, сразу после этого поменяю имя и фамилию.

А Надя (или Лена) тем временем свернулась клубочком, освобождая место для недавно сброшенного с кровати тела. Как же это по-женски – воспользоваться доверчивым детективом, использовать его достоинства, а затем сбросить с кровати. Я думаю, мужчины все-таки гораздо добрее женщин – да, они способны на ненависть, на предательство и даже на убийство, но только не на то, чтобы сбросить спящую женщину с кровати.

Глава вторая

Джентльмен в поисках десятки

*Если вы хотите много зарабатывать – вы
просто должны много работать
Из воспоминаний наследника лорда Ротшильда*

Я купил себе новый стол. У Шуры Бондаря. Может быть, кому-то он покажется несколько грубо сработанным, но меня устраивает. Судя же по той сумме, которую с меня содрал Бондарь, стол этот должен продержаться в рабочем состоянии самое малое до второго пришествия. В ансамбле же с новой табличкой на дверях он должен внушать уважение к детективу Алексу. Ко мне, стало быть. Эту ответственную функцию ему уже удалось реализовать целых два раза. В первом случае речь шла о гордости супруги начальника городской пожарной охраны госпожи Баскеровой. Гордость была около двадцати сантиметров в длину и обладала редким кремовым окрасом. Отличительной чертой этого пигмея собачьего племени был на редкость противный тембр лая. Если, конечно, у лая это называется тембром. Однажды утром, когда хозяйка уродца проснулась оттого, что ей надоело спать, а не оттого, что уши сворачиваются в трубочку от рева четвероногого друга, она поняла, что ее гордость пропала. Трудно сказать, почему она обратилась именно ко

мне, думаю, потому, что я был единственным, кто одновременно и мог помочь, и жил достаточно далеко, чтобы ни разу не слышать воя собаки четы Баскеровых. Выполнить заказ было нетрудно. Нужно быть женой главного пожарного города, чтобы не знать, куда попадают пропавшие псы. Не секрет, что Пак всегда готов приготовить что-нибудь из халлявного мяса, ну так ведь его заведение так и называется – «Быстрая еда». Не на Сенном же рынке ему мясо покупать, в самом деле. Там за него деньги платить надо. Лично я думаю так: прежде чем что-то приготовить, Паку приходится очень быстро за этим чем-то бегать – экономия по-корейски. Песик Баскеровых был не настолько быстр, чтобы убежать от повара-корейца. И пускай я пришел за ним слишком поздно и лаять он уже никогда не будет, но я ведь его нашел? По крайней мере, госпожа Баскерова эту голову узнала, я это сразу понял по ее цвету лица, и шуму, который она произвела, оседая на пол. Благодаря Алисе и Гансу я даже получил гонорар. Баскерова достаточно быстро поняла, что это просто плата за выход из нашего гостеприимного дома. Ганс в данном случае играл роль двери, которая открывалась только в случае получения детективом Алексом требуемой суммы. Наш ансамбль был отлично сыгран, правда мне эта сыгранность обошлась в десять процентов от гонорара. С другой стороны, без Алисы, а точнее, без ее цепного Ганса я и вовсе ничего бы не получил.

Второй случай был менее экстремальным, обошлось без

отрезанных голов. Найти девчонку, сбежавшую из родительского дома, мне удалось достаточно быстро и практически без приключений. Ее даже не успели вывезти из города. Благодаря Киселю, местному авторитету, в помощниках у которого мне довелось проработать не один год, всё, что мне нужно было сделать, – это оказаться вовремя в правильном месте с деньгами и правильными словами. Деньги были не мои, а разговаривать я умею. Единственным риском было то, что торговцы живым товаром могли отказаться слушать. На этот случай я взял взаймы у Алисы Ганса, а у Киселя – мужика с доброй кличкой Мишутка. Я думаю, настоящий мишка, ну, который косолапый, уступает этому в размерах. В результате благодарные родители окропили мой стол вначале слезами счастья, а затем и гонораром, который тут же был уменьшен бдительной Алисой, со словами:

– Мы ведь теперь компаньоны?

Долю Киселя я вычленил сам. Думаю, половина суммы не могла обидеть даже нашего Мориарти местного разлива. Словом, деньги в моей записке еще значились, в качестве постояльца и с некоторых пор компаньона я был любим хозяйкой, что означало безнаказанный доступ к ее кухне, а голод духовный я удовлетворял с помощью поселившегося у нас в доме Григоряна, который частенько сживал у меня вечерами со своей безразмерной кружкой пива. Еще иногда мне удавалось прорываться в библиотеку Алисы. Стоит признать, что госпожа Копачевская все легче и легче соглаша-

лась на вторжения в свои тайные владения. Кисель же, как-то зайдя в гости и, узнав, чем я зарабатываю на хлеб насущный, выразился емко и точно: «джентльмен в поисках десятки». Хотя нет, не точно, я ровно в два раза круче – ведь Алиса получает от меня двадцать золотых в месяц.

Глава третья

Ночная прогулка

*Заставлять человека не спать по ночам может
либо садист, либо инструкция.
Из признания ночного сторожа*

В эту ночь меня никто не сталкивал с постели – некому было, – но около пяти я снова проснулся. Уж не знаю почему, но первым делом я глянул в окно. Небо было затянуто тучами, и поэтому женский силуэт я заметил только потому, что подсознательно был уверен: Алиса снова мечтает под окнами. В этот раз она, вероятно, решила не ограничиваться скромной прогулкой, и, постояв несколько секунд, все убыстряя шаг, двинулась в сторону Крещатика. Нет, я далек от мысли, что с такой женщиной, как Алиса, может что-то случиться, да и прогулки по ночам я обычно предпринимаю исключительно по хорошо оплаченному делу, но... Но просто я подумал: а если утром окажется, что с ней что-то стряслось? Мне будет как-то не по себе. Чтобы мне, любимому, было по себе? Нет! Через сорок секунд, потраченных на одевание, я бежал по Прорезной, уродуя стены домов своей колышущейся тенью.

Алиса двигалась со скоростью сорвавшегося с оси колеса, в голове не укладывалось, как такие маленькие ножки мо-

гут семенить с такой частотой. Шум моего дыхания вероятно уже доносился до всех, имеющих уши, в радиусе километра, а Алиса, не сбавляя темпа и не давая к себе приблизиться, уже добежала до Крещатика. На углу она остановилась, повертела головой и решительно свернула за угол. В этот момент я почувствовал себя последним идиотом. У девушки – свидание, а я гоняюсь за ней со старательностью то ли оскорбленного супруга, то ли полоумного отца. Прикинув направление движения моей хозяйюшки, я срезал угол путем преодоления двух заборов и оказался где-то метрах в пятидесяти перед Алисой. Но нет, видно, любовничек поджидал пылкую женщину несколько раньше: никаких признаков появления этой самой женщины в поле зрения не наблюдалось... Будем считать – размялся; давно я так не бегал. Но какова Алиса! Я даже позавидовал тому неизвестному счастливцу, к которому женщины бегают с такой скоростью. Я успел пройти лишь несколько шагов по направлению к Прорезной по печально известной четной стороне Крещатика, где порядочная девушка должна появляться лишь в сопровождении мужчины, когда до моих ушей донесся всплеск, затем еще один... По Крещатику, по самой его середине, бежит речушка шириной метра три и глубиной метра полтора-два. Как ее только ни называют, но сути это не меняет: всё, что вытекает из домов по обе стороны от Крещатика, рано или поздно заканчивает свой путь в этой речке-вонючке, чтобы затем на ее волнах попасть в Днепр.

Я все-таки человек опытный: всплески, которые я услышал, могли означать только одно — кто-то то ли плыл, то ли барахтался в... Меня аж передернуло — лучше не думать, в чем.

Штаны придется выбросить. Вместе с рубашкой. Очень сильно хотелось сделать то же самое с тем существом, которое я удерживал на вытянутой руке, дабы еще больше не запачкаться и чтобы коготки этой бестии не расцарапали мне лицо. Не так давно я не по своей воле обзавелся шрамом и считал, что дальнейшее работа над моим имиджем — излишня. Бестию еще каких-то полчаса назад звали Алисой Копачевской, и мне очень хотелось верить, что после того, как я ее хорошенько выдержу под холодным душем (как будто у меня есть другой), с ней снова можно будет разговаривать.

Однако светало, а предстать перед земляками в таком виде в компании с полуобнаженной Алисой в мои планы не входило. Не хватало только на патруль напороться: наши гвардейцы с перепугу творят такие чудеса храбрости, что лучше от них держаться подальше. Окончательно попрощавшись с рубашкой и плюнув на возможные раны, я скрутил Алису и закинул ее на плечо. Жаль, что она не весит раза в два больше, то-то было бы весело ее тащить. К моему удивлению, Алиса, оказавшись в плотном контакте с моим плечом, почти сразу притихла. Ближе к дому, я даже обеспокоился — жива ли. Не знаю, что ее заставило влезть в ручей, но в здравом уме Алиса бы это не сделала, даже если

бы всё дно его было усеяно золотыми рублями... Впрочем, быть может, тут я и переборщил, золото способно и не на такие чудеса. Ломиться к Алисе я не стал, решив обойтись собственным душем. Благо, бочка с водой была полна и всё, что мне оставалось сделать, это раздеть Алису, положить ее в ванну и открыть кран. Вдруг я сообразил, что из стадии неприятно-непонятной ситуация плавно переходит в неожиданно-шокирующую. Я и раньше полагал, что у Алисы хорошие пропорции, но действительность превзошла все ожидания. Впрочем, восхищение быстро исчезало под натиском гусиной кожи. Синюю дрожащую Алису я обернул в свою старую фланелевую рубашу и уложил в кровать. По крайней мере, мне удалось избавиться от запаха. Помывшись сам и пристраиваясь рядом с Алисой, я искренне понадеялся, что утром окажется, что все это был только сон.

Глава четвертая

Читать подано

*Есть только то, о чем написано в газетах
Из «Учебника желтой журналистики»*

Момент «девять утра» я проспал. Видно мои кости так устали, что даже забыли понять как следует. Я бы проспал и полдень, если бы настойчивый стук в мои двери не был действительно настойчивым. Это Ганс старался быть деликатным. Если бы не его деликатность, мне пришлось бы ставить новую дверь

– Алекс! – В его глазах была смесь тревоги, подозрения и надежды. – Алекс, ты случайно не знаешь, где Алиса Сергеевна? Может, она тебе говорила чего?

Первое, что я чуть было не ляпнул: «Ничего она мне не говорила!», но взгляд, устремленный мне за спину и ладошка легшая на мое плечо заставили меня придержать язык.

– Ганс, как мило, что ты обо мне волнуешься, – кокетливо улыбаясь, Алиса продефилировала мимо потерявшего способность говорить детектива Алекса и, ухватившись за бицепс Ганса, проследовала из моих апартаментов.

Взгляд Ганса не сулил ничего хорошего, по-видимому, он считал, что завлечь хозяйку в свою квартиру я мог, лишь проделав какой-то особенно грязный трюк. Надо при-

знать, что моя рубашка, накинутая на плечи Алисы, будучи единственной составляющей ее утреннего туалета, включая обувь, делала версию Ганса вполне убедительной. Вероятно, он не верил, что я могу добиться благосклонности Алисы честным путем. Я, впрочем, тоже.

– Алекс?

Ну конечно, давно ко мне никто не заходил, я не успел сделать вдох и выдох между закрыванием и открыванием дверей. Григорян, жалея протеза, пришкандыбал ко мне засветло.

– Пошли!

– Что значит «пошли»? Приходят тут разные и командуют, а я, кстати, давненько не на службе!

– Пошли, Полина и Адам зовут!

Это уже было интересно. Уже, примерно месяц Полина и Адам занимались исключительно превращением привезенного с собой золота в еду и питье. Такая специфическая алхимия. И вот – зовут!

Оказалось, звали не только меня. Кроме Алисы, которая успела переодеться в один из своих костюмов в стиле «это тело не для тебя», в гостиной собрались люди серьезные, знакомством с которыми мог похвастаться не каждый.

Глеб Темнов сидел в шикарном кресле из карельской березы. Не знал, что в доме есть такое. Темнов, или, как его называли за глаза, Темный, держал Сенной рынок. Держал так крепко, что территория базара стала самым безопасным ме-

стом в городе. Бандиты плевались, но рынок обходили стороной. В конце концов, это выгодно всем: знать, что есть место, где тебя не тронут.

Шура Бондарь и доктор Лейзерович занимали старенький диванчик у окна. Шура, несмотря на его фамилию, занимается далеко не только бочками. Все, что можно сделать из дерева, делается у него. Мой стол – тоже. Цены у него такие же крепкие, как и его изделия. Ну а доктор Лейзерович – единственный лекарь в городе, который может похвастаться целой клиникой.

Рядом с ними на табуретке восседал господин Петров. Петрова я вообще видел во второй раз в жизни. Он – один из немногих, кто водит караваны без сопровождения гвардии и, кстати, в два раза быстрее. Ходят слухи, что именно через него попадает в город рапасит – бесценный наркотик, изготавливаемый где-то на севере. Граммом его можно оплатить услуги небольшой армии. Глаза у меня разбежались: люди, собравшиеся в гостиную Адама, кормили, поили, одевали и обували город. Знал я далеко не всех из присутствующих, но судя по всему, все они относились к той породе людей, которые вставают в шесть утра, чтобы заниматься своими делами до ночи, и собрать их простым «пошли» у Григоряна явно не получилось бы. Однако же вот они, здесь!

Увидев меня, Адам забрался на стремянку, которая, видимо, должна была заменить ему трибуну, и своим удивительным басом разом заставил всех умолкнуть:

– Мы начинаем! Сегодня я хочу вам представить наш проект. Это то, что решительно изменит вашу жизнь!

Не дав нам осмыслить суть проекта по решительному изменению наших жизней, Адам зацепил кипу бумаг, лежавших на столе, и одним движением разбросал их по всей комнате, чем, по-видимому, остался весьма доволен. Единственным, кто смог оценить его жест, по-видимому, был Григорян, который в абсолютной тишине (если не считать шелеста опадающей бумаги) вдруг начал хлопать в ладоши. Один из листов бумаги упал рядом со мной и не достался тянувшемуся за ним Миллеру.

У меня реакция оказалась лучше, чем у нашего пивного короля. Кстати, пиво у него отвратительное, хотя и дешевое. Мы с Григоряном предпочитаем брать у Княжевича... Ух ты, а вон и Княжевич сидит! Не думал, что Миллер с Княжевичем могут оказаться в одном месте – и при этом обойдется без кровопролития.

А лист бумаги оказался презанятным. Он чем-то напомнил мне книги. Те же своеобразные буквы, сейчас, как же они называются? – печатные, точно. Их же не пишут, их печатают, вот они так и называются. Ну, вот до меня дошло. Адам, что, сделал печатный станок? Вот чем старый хрыч Григорян занимался последние две недели – и даже слова мне не сказал!

Адам и протиснувшийся к нему Григорян явно наслаждались достигнутым эффектом. Толпа серьезно занятых людей

пялилась в листки, силясь понять, что же все это означает.

– Это газета, – Адам не дал перенапрячься нашим извилинам. – И с этого дня каждую неделю, а со временем – и каждый день, вы будете получать по одному такому листку. И теперь вы сможете знать всё о том, что делается в нашем городе.

– Мы и так знаем, что делается в нашем городе! – голос подал Глеб Темный. По тому, как он сказал «в нашем», стало ясно, что если для кого этот город и свой, то только не для Адама, но тот его, казалось, не слышал:

– А вы почитайте, почитайте, и вы поймете, что вы захотите платить, чтобы получать каждый новый номер газеты.

Ага, вот теперь и мне все стало ясно: золотой запас Адама подходит к концу и он решил вернуться к своей по-Ту-сторонней профессии. Только теперь он хочет совместить в одном лице издателя и журналиста.

– А что, хорошая вещь, – это господин Петров дочитал. – Как раз для меня и моих людей: возвращаешься с маршрута, ничего же не знаешь, а так – взял в руки, почитал и в курсе всех событий, молодец Адам!

Адам зарделся, набрал в легкие воздух, но ответить не успел – Темный, как обычно, уловил самую суть:

– Какой твой интерес, Адам?

Хорошо, что дальнейшие рассуждения Адама не слышал Яковлев. За такие словосочетания, как «четвертая власть» и «общественное мнение», печатал бы Адам свою газету в Пе-

черском дворце, причем в подвальной его части. Впрочем, собравшимся было глубоко плевать на эту часть выступления нашего газетного магната. Выгода у Адама была простая – присутствующим по одному экземпляру он клятвенно обещал доставлять безвозмездно, за остальные просил денег. Не знаю, заплатят ли ему хоть копейку, а вот то, что обещанное возьмут, можно даже не сомневаться. Эти братья умеют. Вон Миллер под шумок три штуки заныкал.

Народ, переговариваясь, разбиваясь на трио и дуэты, потянулся к выходу. Толпа из охранников и слуг, собравшаяся перед нашим подъездом, начала постепенно рассасываться.

Рассосался и я – к своему столу, – решив честно прочесть продукт Григоряна и Адама. Не знаю, где они брали информацию, но это было интересно:

Корона снаряжает караван в Москву.

Кисель потерял двух бойцов, которые увлеклись сбором дани в районе красных фонарей.

На Левом берегу обосновался новый клан троллей.

В субботу не будет шабаша.

Рыбаки выловили пятиметровую щуку.

Каракайка – город ведьм – брошен своими жителями.

Гвардия объявила награду тому, кто найдет отпрыска племянника нашего монарха...

О как! Даже про племянника монарха они знали, не ина-

че записали в информаторы Яковлева. А вообще, странно: племянники монархов бесследно не пропадают. Но пускай о нем дядя волнуется. Куда больше меня беспокоило ночные прогулки и купания Алисы. Если бы я не проснулся тогда, она бы так же мило улыбалась мне сегодня – или через пару дней какие-нибудь родственники из Конотопа явились бы делить наследство?

– Алекс!

Алиса, Ганс, Григорян – вот список моих гостей за сегодняшнее утро. Неужели, скромный труженик розыскной деятельности заслуживает большего?

Вероятно, заслуживает. Иначе Алиса не стояла бы в дверях, причем не одна – рядом с ней возвышался один из присутствовавших на только что закончившемся собрании господ

– Познакомьтесь – детектив Алекс.

Я вежливо, как учила мама, кивнул головой.

– Господин Корнев.

Корнев попытался кивнуть в ответ, для чего скособочился даже больше, чем это было обусловлено изрядной кривизной его позвоночника.

– Господин Корнев мой коллега, владелец доходного дома на Малой Подвальной. У них там небольшая проблема, и я решила, что ты можешь помочь...

Отчего не помочь? Хотя... У меня моментально появились большие сомнения по поводу величины проблемы. Та-

кие типы, как Корнев, небольшие проблемы решают, собственноручно откручивая им их небольшие головы с хрупких шей.

– Я к вашим услугам, господин Корнев!

Корнев посмотрел на Алису, та – на меня и, догадавшись, что, пока она не выйдет, разговор так и будет стоять в дверях, не решаясь войти, внезапно вспомнила про совершенно неотложное дело на третьем этаже и, не сумев справиться с раздувающимися ноздрями, покинула нас. Когда затих стук ее каблучков, я положил перед собой лист бумаги и карандаш:

– Рассказывайте про вашу небольшую проблему!

– Видите ли, Алекс, я до конца не уверен, но мне кажется, что по крайней мере один из моих жильцов – вампир.

Глава пятая

Вампиры бывают разные

Только вдумайтесь, чему им приходится противостоять! Их сжигают заживо, их обрекают спать в гробах – вы пробовали выспаться в гробу? В лицо постоянно суют не крест, так чеснок, а в сердце – вдумайтесь, в сердце – пытаются вбить кусок древесины. Так чего же мы ждем от них – гонимых и пытаемых?

Из выступления перед судом присяжных адвоката графа Дракулы

Вампиры – это на самом деле не бог весть какие страшные создания. Ими нынче даже детишек не пугают. У них нет вырастающих в удобный момент клыков, кошачьих зрачков и массы других полезных способностей, которые, если верить легендам, всё равно не помогали им выжить. Реальные вампиры – такие же люди, как мы, за одним исключением – им все время нужно подкачивать энергию. Как известно, природа всегда гармонична и потому, лишенные возможности хранить и генерировать энергию, вампиры умеют ее красть у окружающих. Сразу определимся. Никто не знает, что это за энергия и как происходит сам процесс. Известно, что лишенный этой энергии человек или зверь достаточно быстро умирает. Известно, что человеку, а вернее сказать человеко-

подобным, легче удастся использовать энергию себе подобных.

Лет пятьдесят назад великие и ужасные обитатели Лысой горы уничтожили в Киеве несколько семей вампиров, а на Левом берегу – целую колонию. С тех пор нравы смягчились, и легальный клан вампиров контролирует значительную часть производства мяса, чему горожане могут только радоваться. Выжить за городской чертой дело весьма проблематичное, с этим справляются лишь вампиры да еще хорошо вооруженные и организованные фермеры. До того, как «кровопийцы» взялись за поставку говядины, мясо на столе средняя семья видела не чаще, чем раз в месяц. Но жить в городе вампирам запрещено. Поговаривают, что поводом для уничтожения вампиров и введения драконовских мер по отношению к ним стала смерть одной ведьмы. Вампир высосал ее досуха. Верится с трудом: что же, она спокойно ждала, покуда он закончит свое черное дело? Понятно, почему Корнев пришел ко мне. Если бы о его проблеме узнала гвардия или, хуже того, ведьмы – от его дома не оставили бы мокрого места. И от самого Корнева тоже. Когда наши власть имущие чувствуют угрозу хотя бы комариного укуса, их реакция поистине устрашающая. При папе нынешнего монарха, после того, как одного из королевских советников только заподозрили в вампиризме (у кого-то там сил не хватило ублажить трех девиц за одну ночь, кто виноват – конечно же, вампир, который выкачал все силы...), сожгли родимого вместе с го-

родской думой, не побрезговали. С тех пор у нас нет ни думы, ни вампиров. Вот – появился, наконец. Может, и дума возродится?

– Все началось с болезни моей дочери.

Надо же. Общаясь с такими типами, как Корнев, не сразу поверишь, что у них могут быть дети. Собака, кошка, любовница – да, но дети...

– Девочка просто таяла на глазах. Мы пригласили нашего светила – Лейзеровича, тот велел перевезти ее к нему в клинику. Надо сказать, что через неделю, она полностью пришла в себя. Потом та же история повторилась в семье Климовых. У них тоже дочь – и все повторилось... За исключением одной детали: их дочь так и не поправилась. Я не сразу узнал об этом. Вчера же заболел старший Климов – Петр Сергеевич. Он за день так сдал, что боюсь, не протянет и недели.

Милосердие Корнева просто-таки брало за душу.

– Два вопроса. Почему вы решили, что это – вампир. Может быть, это зараза какая-нибудь, помните эпидемию оранжевого лишая? Тогда тоже все началось с одной семьи. Вампиру нет резона так себя вести – рано или поздно его выследят. Обычно они «берут» понемногу. Вы же знаете, в легальном клане постоянно живут обычные люди, причем без всякого принуждения. Грузчик на Сенном рынке больше рискует умереть от переутомления, чем они – от последствий вампиризма.

– Да, но так было не всегда, – Корнев снял очки и явил ми-

ру пронзительно-синие глаза, которые так старательно прятал за толстыми стеклами. – И старейшины клана никогда не станут легальными. Они не пойдут на поклон ни к Короне, ни к Хозяйке

– Вас по имени-отчеству как?

– Юрий Павлович, а что?

– Да неудобно мне вас господином кликать, а по фамилии тоже как-то язык не поворачивается... Могу кличку вам придумать – так вы обидитесь. Юрий Павлович, чего именно вы хотите от меня? Чтобы я пошел и неким странным образом распознал упыря в одном из ваших жильцов, а потом ремешком выпорол расшалившегося старейшину клана вампиров?

Юрий Павлович явно темнил, так ведь и я его не заставлял ко мне приходить. А если хочешь, чтобы я с тобой работал, так будь любезен – карты на стол. Вред, который может нанести клиент, не предоставив всю имеющуюся информацию, весомее любой трудности, которая может поджидать в расследовании. Ну, и что тут прикажешь делать? Иголки под ногти загонять? Ты же уже пришел, значит, петух уже хорошенько прожарен и его клюв неделю как торчит в твоей пятой точке. Нет, тонуть будем медленно и с достоинством, да еще и детектива с собой на дно потянем...

– Алекс, а как вас по имени отчеству?

– Меня по имени отчеству Детектив Алекс, слушаю вас очень внимательно

– Меня Лейзерович предупреждал... Я когда дочку привез, первое, что он спросил: мол, не в клане ли она побывала. Я тогда решил, что глупости все это. Но с семьей переехал в другой дом... У меня два дома. А свою квартиру сдал Климовым. Детектив Алекс, Алиса рассказывала, что у вас весьма близкие отношения с Хозяйкой, я вот и подумал, что вы разбираетесь в подобных делах.

Корнев замолчал. Только что он вручил себя мне со всеми потрохами. Того, что он сказал достаточно, чтобы в лучшем случае повесили только его. Семью обычно в таких случаях изгоняют из города. А за городом жизнь совсем другая, там детективов нет.

– Откуда, Юрий Павлович, вы про старейшин знаете? Только – правду!

Корнев снова взялся за очки и принялся вертеть их в руках, как будто точно не знал, какой именно стороной их нужно держать, чтобы водрузить на законное место:

– Климовы съехали. Я им сказал, что, видно, для них это место плохое. Они и уехали. Не знаю, спасет ли это Петра, но та квартира теперь пуста. А сегодня пропала моя дочь. И вот что я нашел у себя в офисе. – Корнев положил на стол раковину. Точнее, то, что было очень похоже на раковину. – Вы послушаете?

не уверен, что это было правильно, но я согласился. Раковину нужно поднести к уху и слушать как обычную безделушку, которую привозят караванщики с Черного моря. Го-

лос, раздавшийся у меня в ухе, был совершенно лишен эмоций, но текст был подобран достаточно удачно, чтобы сомнений по поводу угрозы не возникало:

— Твоя дочь у меня. Квартира должна быть заселена в течение дня. Дочь будет цела. Если будешь говорить с гвардией или ведьмами — дочь кончится.

Кончиться может еда. Пиво может кончиться. Золото, в конце концов. Люди — не кончаются, люди — умирают. А если попытаться отбросить эмоции, то получается так — в течение одного дня надо вычислить, кто из жильцов дома вампир, подселить кого-то в злосчастную квартиру, чтобы тварь не запаниковала и не наделала глупостей и, собственно, провести ликвидацию. При этом помощи просить не моги, ибо вампир у нас не простой, а старейшина. Старейшины они такие, они вон — ракушками с голосом пользуются, мало ли чего они еще умеют...

От дела нужно было отказываться. Было бы последней глупостью прямо сейчас не послать Ганса за гвардейцами... Но это означало бы признание того, что единственным методом борьбы с убийцей является убийство массовое. Я не могу не признать эффективность подобной методики, но лично мне ближе действия в несколько более утонченном стиле.

Глава шестая

Соседи есть даже у вампиров

Их жизнь подчинена сложным, практически недоступным для понимания правилам и традициям. Их внутренний мир темен и загадочен, их мотивы скрыты, их разум непостижим.
Выдержка из докторской диссертации «Быт в коммунальной квартире»

Корнева я отправил за добровольцами для заселения квартиры – в комендатуру к Яковлеву. Не представляю, кого он сам собирался туда поселить. Думаю, без малейшего зазрения совести засунул бы туда каких-нибудь остро страдающих отсутствием жилплощади бедняг. Не вызывало сомнений и то, что деньги с обитателей эксклюзивной квартирки Корнев взял бы по полному тарифу. Наверное, добровольцем надо было вызваться мне, но кто-то же должен еще и вампира искать... Поэтому я решился на компромисс. У Яковлева на гауптвахте пусто не бывает. Объяснив майору гвардии, что мне нужна подсадная утка и подкрепив свой рассказ финансовыми доводами господина Корнева, я получил парочку нагрешивших гвардейцев, которые в качестве компенсации были избавлены от ночевки на камне, заменяющем перину, и от чая, заменяющего обед и ужин.

Что-что, а кормить их будут на убой... На убой – как раз

подходящее выражение. Впрочем, за день с ними точно ничего страшного не случится, а ночью их сменяют такие же про- штрафившиеся орлы.

Если у бойцов энергии станет поменьше, так оно только на пользу уровню дисциплины! Судя по намекам Яковлева, brave гвардейцы были доставлены на губу прямо из борделя. Интересно, не сам ли Яковлев на них там наткнулся: осуществлял, понимаете ли, патрулирование по коридорам вышеозначенного заведения, а тут на тебе!..

Дело оставалось за малым (за малого, в данном случае, был я) – найти вампира и при этом сделать это так, чтобы он сам меня не нашел.

Так... Фирменный фартук, двадцатилитровый бочонок за спиной и кепка с самым большим козырьком, какой я только мог найти. Пиво я взял, разумеется, «Княжевич»: если ходить с горбом из пива, пусть уж оно будет вкусным; платит Корнев, так что... Проведать мне предстояло пять квартир. Тактика нехитрая – хожу по квартирам и предлагаю пиво. Всего квартир в доме у Корнева – двенадцать. После вычеркивания семейных осталось шесть. Шестую занимали сестры белошвейки. С учетом того, что самка вампира обычно окружена как минимум сотней мужчин, этих тоже можно было вычеркивать. Да и вообще, девочки у вампиров рождаются крайне редко. Потому традиционно их женщины живут в самом сердце клана, окруженные таким вниманием и почетом, о которых даже дамам правящей семьи приходится

только мечтать.

Итак, квартира номер раз. Для разгона я зашел к моим подсадным уткам – к гвардейцам. Утки... то есть нет, орлы – месили картами стол и от пива не отказались. Смекнув, что за марка у напитка и по какой он цене (точнее, по какой цене он бы достался, если бы не был дармовым), парни сделали мне подарок, ополовинив тару. Кто бы мне сказал, что я буду радоваться убыванию шарового пива. Крылья у меня не выросли, но плечи, лишенные части груза – распрямились.

А вот гвардейцы были явно не так веселы, как можно было ожидать от служивых, попавших вместо губы в роскошную квартиру с неограниченным запасом еды, колодой карт, а теперь вот теперь еще и с пивом в придачу...

– Скоро в поход, – раскрыл мне глаза орел, который был постарше и, соответственно, возрастного пессимизма набрал больше.

– На кого?

– На юг. Вниз по Днепру. Слышал про Каракайку?

Про Каракайку я сегодня уже что-то слышал, ну да – что-то насчет городка внезапно опустевшего по загадочной причине.

– Так вот, это уже пятый случай – какая-то дрянь идет вверх по течению и выбивает прибрежные поселения.

– Но говорили, что Каракайку бросили жители: наверное, нашли место получше... Ты бы захотел жить в городе с таким названием?

– Ну, не знаю, название как название. Между прочим, если им не нравится название, это еще не повод в честь нового места жительства, бросать все свои вещи... Как в Брошенном городе – все цело, только людей не хватает...

– Разве Брошенный город не вольфы вырезали?

– Это только так говорят, на самом деле люди оттуда сами ушли, потому он и зовется Брошенным

– А поход тут чем поможет? Или в казне так мало денег, что решили не дать пропасть чужому добру? – версия конечно глупая. И дело не в безгливости Короны. Ни одна армия не может передвигаться быстрее мародеров.

– С нами будут люди с Лысой Горы. И это никому не нравится...

В свое время мне бы такое тоже не понравилось. Если в поход отправляется ведьма, это означает, что придется столкнуться с чем-то таким, с чем обычный меч не справится. Значит, и вероятность возвращения из такого похода, скажем так, несколько меньше обычной.

Не могу сказать, что услышанное меня обрадовало, но пока беда находится на расстоянии пусть самого маленького перехода – разве это беда?

В следующей квартире меня не ждали. Дверь открылась, вероятно, от моего дыхания. Собственно я не сразу сообразил, что в квартире вообще кто-то есть. Доска, перегораживающая всю квартиру, оказалась вовсе не доской, а мольбертом. За ним на двух табуретках лежало тело хозяина кварти-

ры. Корнев уверял меня, что господин Непийпиво – художник. Судя по количеству заготовленной травки, он с тем же успехом мог быть и наркодилером. Я поднял взгляд на картину. Понадобилось около трех минут, чтобы до меня дошло, что именно там нарисовано. На картине была изображена та самая комната, в которой я стоял. Композиция включала мольберт, табуретки, хозяина квартиры, лежащего на этих табуретках... Только нарисовано все это было с точки зрения пробегающей через комнату мышки-норушки. Видение настигло ее примерно на середине забега. Теперь мне стало понятно, что даже очень качественная трава вряд ли помогла бы творцу все это увидеть, не будучи примененной в весьма достойном количестве. Интересно, что это за колонны на переднем плане? Так... Если я правильно понимаю, это ноги человека стоящего на моем месте, фактически это мои ноги! Надо же – какая трава сильная. Да и фамилия у художника в тему – Непийпиво. Действительно, разве же с пивом такое нарисуешь?

Идем дальше. Тут у нас Анатолий Демьянов числится. Сделаем ему тук-тук-тук... У-ух, дверь открылась. Кажется, я как раз собирался поздороваться, когда в одной руке у меня оказалась с трудом туда поместившаяся лопата, которая, по-видимому, и служила рукой своему хозяину. Нет, просто очень большая и задумчивая рука. Завершив первую фазу рукопожатия – то есть сжатие, она никак не догадывалась перейти к стадии второй – разжатию. Тем временем

свободная моя рука таковой оставалась не дольше секунды. Граненый стакан был добросовестно наполнен холодной бесцветной жидкостью. Что-то мне подсказывало, что вкус у нее есть.

– За Толяна! – взревела дюжина мужских глоток, слегка разбавленных писком затерявшихся в этих грудах мышц представительниц слабого пола. Ну, за Толяна, так за Толяна. Вдохнуть, выдохнуть – и глотнуть. На стакан залпом меня не хватило. И никогда не хватало. Быть может, когда-нибудь потом, после многих лет изнурительных тренировок? Рука Толяна, все не переходила во вторую фазу.

– До дна! Пей до дна! – резюмировала компания. Выбор у меня особо не было. Стакан был не простой: его дно вместо прозаической плоскости представляло собой выпуклость. Потому поставить его, не пролив находящуюся внутри жидкость, не представлялось никакой возможности. Ну, что ж, поднажмем – со второй попытки стакан был покорен.

– Мужик! – Толян наконец разжал свою руку, предоставив свободу передвижения моей, после чего дружески хлопнул меня по плечу, видимо, чтобы проглоченный самогон успокоился в глубинах моего организма.

– А я тебя знаю! – хозяин квартиры прищурился, пытается разглядеть получше мои черты своим прибором дневного видения. Конечно, он меня знает! Два года в соседних казармах. Толян служил в караульной роте. Как-то не удосужился я запомнить его фамилию. Что ж, стало быть – Демья-

нов. Ребят там подбирали, в основном исходя из габаритов. Гвардейцев они презирали, искренно недоумевая, как такие мозгляки, (с их, караульной, точки зрения) могут выполнить задачи, которые нам ставило командование. Система отбора в караульную роту, судя по всему, была основана на простом расчете: противник, замороженный внешними данными бойцов, попросту не решится перейти к активным действиям. Тактика запугивания... Пора отступать. А то еще Демьянов начнет чесать языком: дескать, Алекс из Костяного отделения устроился разносчиком пива. Если Толян – вампир, то я – владыка царства мертвых.

Пятясь под пристальным взглядом мутных глаз хозяина квартиры, я лепетал, пытаюсь произвести нужное впечатление:

– Откуда!? Похож, наверное, на кого-то! С праздником! Пива, вижу, вы не будете, так я пойду, у меня еще десять квартир... С праздником!

Пиво сегодня спросом явно не пользовалось. Дверь закрылась, надежно отделив меня от людей с руками-лопатами и стаканами без дна. Оставалось две квартиры. Шансы наткнуться на вампира в следующей квартире – пятьдесят на пятьдесят. Как-то не хотелось мне стучать в эту дверь... Впрочем, хватило одного «тук»... Оставшиеся два «тука» придется отложить до следующей двери. Парень, стоящий передо мной, явно ожидал увидеть кого-то другого. Я, конечно, не самый красивый мужчина в городе, но все равно

не заслужил, чтобы на меня так пялились.

– Вы кто?

– Пива хочешь?

А что, чем не ответ? Квартира числилась за Митей. Вот так вот – без отчества и без фамилии, просто Митя. От счастливого обладателя такой вдохновляющей простоты разило каким-то парфюмом, а белоснежная кружевная рубаша и сервированный столик не оставляли особых сомнений: ждали не меня. Увы, лучшее, что меня может дома, – Григорян с бочонком пива... Может набиться в гости к Алисе?

– Простите, но мы не заказывали пива.

Сказавший эту фразу только что подошел ко мне из глубины коридора. Судя по внешнему виду, одевались они с Митей у одного портного. Да, мальчики явно предпочитают что-то вроде абсента. Кто я такой, чтобы их осуждать?

Вот и еще одна дверь закрылась передо мной. Как бы не заработать комплекс закрывающихся дверей. По коридору, прямо и направо. Вот и квартирка. Надо же – молоточек! Это – чтобы костяшки на пальцах не сбивать, удобно! А в ответ тишина... Попробую еще раз.

– Чего стучишь? Дверь разнести хочешь? – голос доносился из коридора. Здравствуй, друг вампир.

– В свою дверь, небось, так не стучишь? – Из-за угла вышел старик, дойдя до дверей, не глядя всучил мне сумку, судя по тяжести, набитую свинцом, порылся в карманах, достал огромный позеленевший от времени ключ, со второго

раза попал им в замочную скважину и, прошептав несколько ругательств, умудрился открыть замок и попасть в квартиру.

– Чего стоишь? Заходи, рассказывай, зачем пришел!

Квартира выглядела такой же древней, как и её хозяин. Деревянная мебель почернела, потолок небеленый, вероятно, десятилетиями приобретал этот специфический серый цвет – в тон покрывающей его паутине. А пол, кажется, протерся до перекрытий.

– Пиво будете?

– Какое еще пиво... Хотя... Ладно, налей, промочить горло не помешает.

Наконец, хоть кто-то соблазнился.

– Ну, не томи, что там стряслось? Ты из стражи или из гвардии? Подожди, не отвечай... Сам скажу. Ты из стражи, стар ты для гвардейца.

Строго говоря, между стражей и гвардией разницы нет. Стража – это просто гвардейская рота, которая охраняет дворец. Однако народ у нас так устроен, что готов верить в любую чушь, лишь бы не замечать очевидные вещи. Все спецоперации проводит майор Яковлев – руками сержанта Алехина, возглавляющего Костяное отделение. Тайными эти операции остаются, в основном, потому, что они никому не интересны. Ну, а людям всегда нужны загадки, вот и придумывают всякое про стражу. Форма у них красивая, этого не отнимешь.

Старика, как оказалось, звали Яков Мелех, работал он

кузнецом (я заносил в квартиру его суму и ему поверил – в ней вполне могли лежать по крайней мере один молот и одна наковальня). И, хотя по теории, ничто не может вампиру днем работать кузнецом, а ночами вытягивать из людей жизненные соки, было еще одно «но». Зная это, я бы и во все к нему не заглянул. У Якова Мелеха не было левой кисти. Вместо нее из рукава торчал железный крюк. Травматизм у кузнецов традиционно достаточно высок, и в этом не было ничего удивительного. Только вот вампиры так устроены, что их организм регенерирует. Энергия, которую они забирают у других, заживляет практически любые раны, кроме смертельных. Вероятно, это единственное, в чем легенды не врут. У Якова Мелеха было железное алиби, железное в буквальном смысле.

– Господин Мелех, это всего лишь рутинная проверка.

– Сынок, ты можешь рассчитывать на старого кузнеца, силы у меня уже не те, но я все еще кузнец.

Вот она опора Короны, жаль, против вампира его патриотизма будет явно недостаточно

– Спасибо, отец. Если что – обращусь непременно.

Вот и пятая дверь закрылась у меня за спиной. Старика я явно разочаровал, но ничего, лучше быть живым разочарованным, чем мертвым очарованным, не правда ли? Сам я тоже не был в восторге – либо среди жильцов дома вампира нет, либо он так хорошо маскируется, что мне его не вычислить.

Глава седьмая

Испорченный ужин

Главное в приготовлении блюда – не правильный соус и даже не содержание калорий и витаминов. Главное, чтобы блюдо, предназначавшееся Вам, не съел кто-то другой.

Из брошюры «В кругу друзей»

Я был несправедлив к своему дому. Встречал меня не только Григорян с пивом, но и Надя. (Точно, все-таки Надя, а не Лена!) Она приготовила какое-то блюдо из баранины с непроизносимым названием. Если вкус сего барашка будет соответствовать этому божественному запаху, то я прощу Алисе и Гансу их нескромную попытку присоединиться к нашему романтическому ужину. Хотя, вероятно, Алису куда больше интересует, как у меня идут дела с Корневым и не пора ли изъять комиссионные.

Меня же больше интересовал соус. Если я узнаю его рецепт, то сделаю запас побольше – на случай наступления голодных времен. Думаю, я смогу съесть с этим соусом всё, что может быть прожевано.

Звук захлопнувшейся входной двери заставил мою руку дрогнуть и свернуть с любимого маршрута: тарелка-рот-тарелка.

– А что, у нас открыто?

– Я закрывал, точно.

Усомниться в словах Ганса нельзя. Он редко говорит, и еще реже фантазирует.

Мы с Гансом никогда не были тем, что принято называть командой. Однако в ситуациях, подобных этой, синхронизация у мужчин с определенным опытом происходит мгновенно. Когда нужно, я могу двигаться достаточно тихо и быстро. За мной, притом с арбалетом наизготовку так же споро двигался Ганс. Увы, шмайссер, который не покидает его бычью шею, служит сугубо декоративным целям. У меня же в руках отдыхала перед тем, как вступить в дело, моя любимая дубинка – Большой Успокоитель. Свинцовый вкладыш, отсутствие столь любимых непрофессионалами шипов и крюков делали ее универсальным оружием ближнего боя. В отличие от шмайссера, ее перезаряжать не нужно. Единственный недостаток этого совершенства вытекал из его неоспоримых достоинств. Долго полутораметровой дубиной весом в добрые десять кило не поорудуешь. Собственно, она и рассчитана на то, что в руках мастера все сделает быстро – в одно, максимум в два движения.

Дверь была открыта настежь. Не успели мы осмыслить отсутствие противника, как с кухни донеслось:

– Сюда, скорее сюда!

Рекорд бега по коридорам только что был побит, причем побит Гансом. Вот уж не думал, что такая туша может так быстро бегать. На кухне чинно сидели Надя, Алиса – и юно-

ша, чья накидка, переливающаяся всеми цветами радуги, не оставляла сомнений относительно того, кто к нам пожаловал. Увидев нас, юноша поднялся, что добавило ему не больше десяти сантиметров роста, и, уставившись немигающим взглядом в переносицу Ганса, произнес:

– Детектив Алекс, вам послание!

– Чаю хотите? – Это Надя, выйдя из ступора, невпопад решила завязать беседу. Ученик с Горы явно не был обучен той простой истине, что не только размер имеет значение. А может, мне стоит поработать над имиджем: вон, у Ганса и головной убор, и шмайссер, а у меня?..

– Вообще-то, детектив Алекс – это я.

– Правда?

Ну, и как интересно я должен доказывать, что я – это я? Неужели кому-то еще охота получать послание с Лысой Горы? Нет, в этой комнате таких идиотов насчитывается ровно один.

– Это он, – подтвердил мои слова Ганс.

Что-то гроыхнуло, в глаза подул ветер, снова хлопнула дверь, – и мы остались в прежнем составе: Алиса, Надя. Ганс и я.

– Вы опять двери не закрыли? – Алиса все-таки попыталась показать, кто в доме хозяин.

– А зачем? – резонно заметил Ганс, после чего, впрочем, покорно отправился в прихожую. Не знаю, есть ли такое созвездие, но сегодняшний день явно проходил под созвезди-

ем дверей. Передо мной на столе лежал маленький желтый конверт.

Желтый – цвет, который почему-то обожают на Лысой Горе, и, вероятно, поэтому не любят во всех остальных местах нашего города. Ну что ж, поглядим: вдруг они просто решили прислать мне открытку? С днем рождения забыли поздравить, а теперь подождали полгода – и сподобились. Увы, записка, вложенная в конверт не имела никакого отношения не только к поздравлениям, но даже к такому понятию, как вежливость.

«Вас ждет Младшая Хозяйка». Хороший, лаконичный текст. Если бы что-то подобное я получил от Григоряна, я бы с легким сердцем написал ему в ответ: «Продолжайте ждать». Однако на записку в желтом конверте принято реагировать иначе. «Иначе» означает рысью пуститься выполнять то, что сказано в записке. Именно так мне и придется поступить, но сначала нужно уладить кое-какие дела, ибо о том, когда я вернусь от Хозяйки, не знает никто, кроме нее. Итак, дело номер раз:

– Надя, давай ты не будешь меня дожидаться?

– Почему?

Ну да, наверное, в конверте было уведомление о любовном свидании, вот я ее и отсылаю.

– Так у меня больше шансов, что в следующий раз ты мне будешь рада.

Обычно, если женщина ждет вас больше трех минут, ее

уже не переубедить, причем сразу во многом... Во-первых – вы, конечно же, были с другой. Во-вторых – могли бы сразу так и сказать, чтобы не ждала. В-третьих – единственная задача, которую вы решали своим отсутствием, это – заставить ее за вас волноваться...

Несмотря на надутые губы и мечущие искры глаза, Надя на удивление быстро упорхнула. Теперь мой черед предаваться мужским мыслям на женскую тему. Во-первых, раз она не рядом со мной, значит она рядом с другим. Во-вторых – ну, зачем, зачем было притворяться все это время, что я для нее что-то значу. В-третьих – она делает это нарочно, чтобы разбить мое сердце.

Так, теперь удалить Ганса. Ну, это легко, мы мужики, народ куда более понятливый. Буквально минута упражнений по немигающему взгляду из-под бровей – и Ганс все понял, после чего мы остались наедине с Алисой. Хотел бы я иметь на ее месте более легкого собеседника. Как бы это потоньше начать разговор...

– Алиса, ты помнишь, где ты проснулась, сегодня утром? – Хороший такой вопрос, как раз для Алисы

– Ты хочешь продолжения? – примерно такого ответа я и боялся. Нет, не то чтобы я этого не хотел. Просто сейчас меня интересует несколько другое. Да, да, бывают минуты, когда меня волнует не только секс. Будем действовать более прямо:

– Ты помнишь, как оказалась у меня в постели?

– Ну... – Дальше у Алисы не шло

– Что, не хочешь рассказать мне, как ты меня соблазняла?

Выражение лица Алисы явно говорило о том, что это моё

«не хочешь» – неточная формулировка.

– Хорошо, давай проще – ты не хочешь мне рассказать, куда ты ходила вчера ночью?

В другой ситуации я бы задал еще не один десяток вопросов, наслаждаясь сменой настроения нашей снежной королевы. Но всё как обычно – запасной вагон, полный времени, как правило, стоит на том пути, где либо нет ничего приятного, либо нет вас. В моем распоряжении не было даже маленькой тележки. Да и госпожа Копачевская не заслужила роли моего персонального клоуна. Алиса не помнила ничего. Не помнила ни этой, ни прошлой ночи. Если бы не утро, встреченное в моей компании, она не поверила бы ни одному моему слову. Теперь пора было звать Ганса.

Покидал я дом с чувством выполненного долга: Алиса была заперта в своей квартире, Ганс назначен в караул. Будем надеяться, этого хватит, чтобы сегодняшнюю ночь она провела в своей кроватке. Хотелось бы пожелать того же и себе, но, увы, меня ждали на Лысой горе.

Глава восьмая

Путь на Лысую Гору

*Самое главное – сделать первый шаг? Глупости.
Второй шаг труднее и важнее первого.
Из монолога канатоходца*

На самом деле «лысая гора» – вовсе не имя собственное. Это просто гора, у которой на вершине – не шапка снегов и не лес, а своеобразная лысина. Киев стоит на пяти лысых горах, не считая всех прочих – же как Рим на семи холмах. Собственно Лысой, с большой буквы, считается только одна гора – та, на которой в свое время было старое еврейское, а до этого, как говорят, и вовсе языческое кладбище. Старинные склепы и надгробья до сих пор виднеются вдоль пути на вершину. Будь я Младшей Хозяйкой, ни за что не выбрал бы этот замок на горе местом жительства. Представляете, каждый день – вверх-вниз, вверх-вниз. Правда, быть может на помеле это не так проблематично?

С каждым шагом вверх по склону становилось все светлее. Это не был желтый свет солнца и огня. Казалось, сам воздух отливал серебром. Туман, по началу незаметный, скорее угадываемый, нежели видимый, теперь обволакивал ноги до колен. Сбиться с маршрута не давал лишь возвышающийся далеко впереди шпиль замка. Пытаясь опреде-

лечь пройденное расстояние, я принялся считать шаги, однако, сбившись в третий раз, бросил это безнадежное занятие. Единственной причиной, по которой я продолжал путь, было то, что, оглянувшись назад и не увидев ничего, кроме тумана, я понял, что если поверну назад, то либо заблужусь, либо свалюсь в один из оврагов, окружающих дорогу к замку. Путь лежал в гору, однако то ли притяжение здесь действовало иначе, то ли дело в восприятии, но в какой-то момент мне стало казаться, что я шагаю на одном месте, и место это – абсолютно плоское. Вдалеке что-то протяжно загудело, звук нарастал. Казалось, в тумане вокруг меня прячется духовой оркестр, вооруженный исключительно фаготами. Гул усиливался, казалось, что туман, который к этому моменту набрал силу, сплошь затянув все вокруг, начал вибрировать. Теперь уже звук воспринимался как что-то осязаемое, что-то, что было против каждого моего шага вперед. В голове пронеслись все страхи, которыми потчевали окружающих те, кто побывал на Лысой горе. Воображение оттолкнулось от чужих страхов – и принялось рисовать собственные. Я остановился. Гул, сопровождающий меня, тут же ослабел. Чтобы проверить свою догадку, я сделал шаг назад. Быть может, мне показалось, но туман стал более прозрачным. Сердце стучало с удалю начинающего барабанщика, наконец-то освоившего дробь, но постепенно сквозь страх мне на помощь пришло чувство, из-за которого в гвардии все, от рядовых до офицеров, называли меня психом. *Я разозлился.* Это

не была злость на кого-то конкретно. Это было куда более глобальное чувство. Я перестал чувствовать свое тело, я двигался вперед – и горе тому, кто захочет мне помешать. Это не был уже шаг, это не был бег, я перемещался в пространстве, толкая перед собой свою злость, как таран. Не знаю, сколько прошло времени – минута или час, но туман рассеялся, вместе с ним исчез гул – и стали слышны обычные звуки ночи. Замок, казавшийся скорее символом, нежели реальным зданием, теперь находился в десятке метров передо мной. Неожиданно он приобрел вполне обитаемый вид. Я оглянулся – и не поверил своим глазам. Отсюда до улицы, опоясывающей гору, было не больше двухсот метров. Может у меня помутнение рассудка?

– Алекс, вы что же, так и шли сюда – затылком вперед?

Мой поворот на сто восемьдесят градусов был неуклюж, стремителен, но увиденное того стоило. Освещенная странным молочным светом, льющим из окон первого этажа, под аркой ворот замка стояла Младшая Хозяйка. В этом платье даже Ганс сообразил бы – Младшей ее называют исключительно из уважения к традиции. Хозяйка Лысой Горы во всем своем великолепии, в окружении членов ковена и учеников, встречала... Меня? Очень хотелось снова обернуться – убедиться, что за моей спиной не наблюдается как минимум член королевской семьи.

– Судя по тому, как я сюда шел, идти задом наперед – не самая плохая идея...

– В следующий раз вы окажетесь здесь с легкостью – Гора приняла вас.

Глава девятая

Клиент, детектив и Первый Меч

Лучший контракт – когда ты не работаешь и тебе платят. Худший контракт – когда ты работаешь, и тебе не платят. Как правило, предлагают нечто среднее.

Из собеседования в кадровом агентстве

Камин, старые удобные кресла, чай с каким-то сложносо-
ставным вкусом – не так я представлял себе эту встречу. Хо-
зяйка не торопилась, да и мне торопиться не хотелось. Мне
было хорошо. Не знаю, что тому было причиной – Хозяйка,
чай или атмосфера замка, но так спокойно я не чувствовал
себя уже очень давно. Единственным напоминанием о том,
что я тут по делу, а не на отдыхе, служил Первый Меч кове-
на. Первый Меч – это не клинок, это человек. Хотя, быть мо-
жет, он тоже сделан из стали. Если учеников мы видим до-
статочно часто, ведьм – время от времени, то «мечи» в горо-
де не появляются вовсе. Во-первых, далеко не каждый уче-
ник способен стать «мечом». Большинство, отслужив по до-
говору, лишённые всех магических способностей, возвраща-
ются в семьи с изрядной суммой, положенной за службу. О
судьбе тех, кто остается, можно только гадать. Насколько я
знаю, на них лежит ответственность за охрану ковена и его
интересов. Так как в городе этим интересам ничто угрожать

не может – они там и не появляются. А вот в устье Припяти мы с ними сталкивались. Могу сказать, что нам повезло: мы дрались на одной стороне с ними; не хотел бы я иметь такого противника.

Мне было хорошо, хотя я прекрасно понимал: что вся эта идиллия – лишь случайное совпадение здесь и сейчас желаний Хозяйки и моих потребностей. В любую секунду ее желания могут измениться – и тогда никто не вспомнит о потребностях человека с улицы Прорезная.

– Ты слышал новость о пропаже молодого человека из королевской фамилии?

– «Слышал» не совсем то слово, я читал об этом.

Ну, ну – какова будет реакция?

– Что значит – читал?

Ага, Хозяйка наморщила лоб, есть контакт!

– В газете заметка была, вот я и прочел. – Мне стоило особого труда произнести это с небрежной интонацией, как будто трудовой день детектива Алекса годами начинается с просмотра свежей прессы.

– Интересно, и давно у вас газета появилась?

Вот ведь как – хотел я было соврать, но...

– Сегодня она и появилась. Так сказать, большая премьера. Адам и Полина с помощью Григоряна сегодня утром презентовали...

– Любопытно, надо будет поболтать с издателями. Впрочем, мы не об этом. Кроме Святослава...

(Все-таки я умница – вовремя закрыл рот, сообразив, что так зовут пропавшего юношу. Об имени племянника нашего монарха газета умалчивала. У меня вообще было подозрение, что это государственная тайна.)

Хозяйка, между тем, продолжала:

– Пропало еще около десятка человек. Каждый из них являлся носителем либо нераскрытых, либо слабых паранормальных способностей... Алекс, ты меня слышишь?

Алекс слышал. Алекс просто вспоминал прошлую ночь с безумным галопом в погоне за Алисой. То, что какие-то способности у нее есть, я не сомневался никогда, как не сомневался теперь и в том, что если бы я ее не догнал, то в списке Хозяйки было бы на один пункт больше.

– Алиса Копачевская тоже обладает такими способностями?

– Безусловно, а почему ты спросил?

– Да так, вспомнил кое-что, продолжайте, я весь внимание!

– Собственно, всё просто: ты детектив, я клиент. У меня заказ – найди пропавших. Детали тебе сообщит Первый Меч.

В руках у меня была все та же чашка, огонь все так же лизал угли в камине. Только чувство покоя покинуло меня, а комнату покинула Хозяйка. Любят они эти цирковые номера – исчезнуть, появиться, нет чтобы приходить и уходить как все люди. Но нет, стучаться в двери, здороваться и прощаться – не для них.

Первый Меч не исчезал. Выйдя у меня из-за спины, он совершил сложную манипуляцию с мечом, который до сих пор висел у него за спиной, в результате чего тот оказался у него в руке, направленный как раз в то место, где заканчивается мой скальп и начинается менее любимая индейцами часть головы. Не из краснокожих ли братьев Первый Меч? Наверное, нужно было как минимум попытаться убрать свою голову с линии, которую наметили эти два меча – человек и оружие, но почему-то я был уверен, что пополнять свою коллекцию скальпов прямо сейчас не входит в его планы. Глаза неуловимого оттенка – что-то между серым и зеленым – были единственным доказательством жизни на этом каменном лице...

– Вы пришли сюда безоружным.

В констатации этого прискорбного факта было и презрение, и грусть. Так грустит старик винодел, застав сыновей пьющими пиво. В следующее мгновение его меч был обращен ко мне рукоятью: бери!

Меч был хорош. Хотя бы на миллиметр длиннее или на гран тяжелее – и он превратился бы из умного оружия мастера фехтования в клинок, предназначенный для сугубо силового боя. Гарда, хорошо защищающая рукоять, позволяла не беспокоиться о целостности кисти и в то же время не стесняла при вращательных движениях. Обоюдоострый, колюще-режущий, с отличным балансом... Меч-универсал. С ним можно было выйти и против шпаги, и против полутораручного

меча. Он был хорош. Плохо было другое – Первый Меч тут умудрился откуда-то выудить точно такой же, и поза, в которой он стоял, не вызывала сомнений: он очень давно не точил свой клинок. Сегодня точилкой буду я.

– Алекс, если вы будете продолжать сидеть, у вас не останется ни одного шанса.

Я встал. Более того – я встал в стойку. Не думаю, что от этого несложного действия мои шансы увеличились...

Я достаточно высокого мнения о себе как о фехтовальщике, хотя могу предсказать заранее, что ни один учитель фехтования не скажет обо мне ни единого доброго слова. У меня нет системы. Вообще. Когда зеленого новобранца Алекса пытались научить владеть мечом, все потуги преподавателей приводили к тому, что выученные наизусть движения я повторял с большой точностью, вне зависимости от ситуации по ходу поединка. В результате каждый спарринг заканчивался очень быстро – не в мою пользу. Исправить ситуацию взялся дядя Мирон. Не спрашивайте у меня, что он делал в военной части и почему его все обращались к нему не по званию. Важно то, что он был. Его специализацией являлись особо безнадёжные случаи среди новобранцев. Одного его слова было достаточно для демобилизации или отправки на гауптвахту. Дяде Мирону оказалось достаточно двух минут, чтобы вся моя предыдущая подготовка была приговорена. Он забрал у меня меч и дал в руки кухонный нож. После этого предложил мне фехтовать с ним. Вид этого неле-

пого ножа выбил из моей головы все полученные до этого навыки. Уровень отсутствия навыков Мирону понравился. Когда я в следующий раз взял в руки меч, то уже знал: отныне моя система – это отсутствие системы. Я выучил десятки приемов защиты и нападения, я впитывал как губка знания о каждой новой технике владения клинком. Меня отличало только одно – для меня не существовало готовых связок. Каждый мой следующий шаг рождался здесь и сейчас и зависел от множества факторов. Предсказать мой следующий удар смог бы только такой же сумасшедший. Теоретически это должно было снизить мою скорость боя настолько, что о скорости как таковой можно было бы даже не говорить.

На самом деле я был быстр. Я и сейчас хорош. Но – не для Первого Меча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.